

Раиса Зимановская
Ирина Галактикацвета

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО!
короткие рассказы

**Никогда не поздно!
короткие рассказы**

© eva-and-co.ru

Творческая лаборатория «Слово и Образ»

©Текст – Раиса Зимановская, Ирина Галактикацвета

© Оформление альбома – Елена Корешева

Москва - 2024

ЛЮСИ

Нинка и Люська дружили с детства, в школе сидели за одной партой. Выросли, повзрослели. Знакомясь с парнями, Нина представлялась как «Нинель», а подруга – «Люси». Нинка не случайно выбрала в подруги носатую и сопливую Люську - был расчет, что на контрасте ее красота будет особенно выигрышной. Простодушная Люся с блеклыми глазами испуганной беременной коровы и размером обуви 43 размер не была подруге конкуренткой, однозначно. Нос синей сливой свисал почти до верхней губы, часто распухал от астмы и аллергии на всё и вся. Но его хозяйка находила силы подшучивать над собой: *«В моей семье пять братьев и сестер, у всех носы как носы, и лишь мой нос – как паровоз, на семерых рос!»*

Нинель, бойкая молодая бабенка, успела трижды побывать замужем, естественно, без регистрации, а так, в порядке наращивания «боевого опыта», а Люська пока плыла по житейскому морю одна, не торопясь. Нина ее не опасалась, считая за низшее существо, и допускала в дом, вплоть до ночевки. А там, в Нинином доме, материализовался на тот момент Вадим, интереснейший персонаж из приличной семьи. Таких, как он, с ходу записывают в принцы экзальтированные девицы. Потому что и внешностью, и статью, и умом мужчина удался на славу. Белокурый викинг под два метра ростом, голубоглазый и юморной, читающий на досуге Кафку и Тертуллиана. Вадим запал на Нинель из чистого любопытства, и даже не заметил, как она его окрутила. Увидев Вадима впервые, Люси подумала: *«Вот бы мне такого!»*, и черная зависть поселилась в ее сердце.

- *Подруге можно, а мне – нет?* – говорила, обращаясь к зеркалу. - *Чем я хуже подруги? У меня, как у женщины, все на месте, а нос и ноги роли не играют. Вон, у Жаклин Кеннеди тоже ножки ой! ой! и глаза на ушах, а отхватила же президента?!*

В отсутствие Нинель, любительницы путешествовать, Люся готовила Вадиму ужины. Тот, не глядя на повариху, восторгался:

- *Слушай, зашибись, как вкусно! Я такого лобио даже в Грузии не ел. А, знаешь, Нина не умеет готовить совсем. Что же ты ее не научила?*
- *Не всем такие таланты дадены,* - шурясь, отвечала Люси, и уходила в другую комнату, чтобы к десерту и кофе с ликером переодеться в Нинкино кимоно, и спеть *«Чио – чио – сан»*.

Ну, чем не гейша? По кимоно расхаживает аист, в прическу воткнут серебряный гребень, и Вадим слушает, вперив в нее жгучий взгляд настоящего мужчины, желанный взгляд... Люси млела...

Сначала Вадим воспринимал эти спектакли с переодеваниями как игрульки заскучавшей девицы, то ли замечал, то ли – нет. Но как-то раз, после «сакэ», выиграла кровь, и кимоно полетело на пол.

Люся оказалась девственницей. Вадима это глубоко поразило, он стал присматриваться к подруге жены. Может быть, «присматривался» бы и дальше, но случилось роковое обстоятельство: однажды, вернувшись с работы, Вадим обнаружил супругу в постели с дворником. Сказочно красивым узбеком, явным отпрыском персидских царей. Дворнику нахлобучил золотисто-лиловых фингалов и дал пинка, да такого знатного, что тот летел, наверное, до самой Бухары без пересадок, а Нинель схватил за ухо и поволок в ванную смывать блудные грехи. И – всё! Как отрезало. Спать и жить с женой уже не мог, чудился ему запах восточного человека и почему – то плов с бараниной на верхушке минарета... Выгнать тоже не мог: Нина же человек, а не скот. Так и жили, сами по себе. А потом Нина попрощалась и ушла; сдали нервишки. Люси осталась при Вадиме, как домработница. Она вела себя аккуратно, не садилась лицом к свету, зашторивала окна, и в квартире всегда царствовал полумрак. Блюда непременно с выпивкой, так, - *...чтобы кровь заиграла,* - шептала Люси, подавая коньячок в маленькой золоченой стопке.

Вадим быстро забывал Нинель, успокаивался, и уже не видел Люсиных недостатков, зато заметил и оценил по достоинству любовь к нему, заботу, терпение, шикарные волосы, глубокий голос. Он уже понимал Тургенева, всю жизнь обожавшего свою несравненную Полину Виардо, над которой современники подшучивали, что, мол, на нее можно глядеть только в фас, и иначе словишь инфаркт от ужаса.

И так шло время, но наследник не появлялся. Вступили в брак. Но Люси, облепленная комплексами, думала совсем о другом: что, вот пройдет время, и её красавец – муж прозреет, и разглядит ее сливовидный нос и гренадерские ступни. И скажет: а что это за шнобель у тебя примостился над губой? И что за лапы могучие ты нарастила? А ну, пошла вон, уродина?! И охватывал Люси животный ужас. Она стала думать об операции. И не где-нибудь, а в Москве, чтобы без рисков и осложнений. Вадиму нагло врала, что поедет в столицу лечиться от бесплодия, - которого, кстати, не было, - а сама собирала справки для операции на лице. Вадиму, как последний лох, верил и сочувствовал.

«Сюрприз будет Вадимчику моему - думала женщина, - когда получит красотку. То-то радости ему будет!» Но мнение самого Вадима ее не интересовало.

Вернулась из Москвы совсем другая; с мелким носиком, оснащенным ноздрями – бусинками, - который совсем не вписывался в ее широкое лицо. Странный дисбаланс осел на её фейс, но Люся этого не замечала, она была просто счастлива. Вадим встречал жену на вокзале, но не вдруг узнал ее, эту монголоидную женщину, одетую в модное белое пальтишко (рукава - фонарики), и в новое розовое лицо, как у целлулоидного пупса. Вначале он опешил, и второпях снял со своей шеи женины руки, но к машине повел: *«Потом, потом поговорим!»* Сели за чай.

- Ну, и как я теперь смотрюсь, дорогой?

- Паришиво, - сказал искренне Вадим. – Жена не поверила: *«Я тебе совсем не нравлюсь?»*

- Нет. Почему ты обманула, скрыла свои планы? Я ведь не чужой тебе человек. Ты, видимо, для меня старалась?

Люси оторопело молчала. Он тяжело вздохнул:

- Кто тебя надоумил сделать ЭТО? – Он так и произнес с нажимом, по слогам: Э-Т-О. – Ты обезобразила себя, ты Бога обидела!

- Ну, это ты брось. – Люся взвилась. – При чем тут Бог? Мы же атеисты? Я для тебя старалась, Вадимыч, какая муха тебя укусила?

- Не мели чепуху, что значит: «для тебя»? А я просил тебя уродовать себя? У тебя все было гармонично, и нос соответствовал твоему лицу, всей твоей фактуре. Какая ты глупая, раз не видела этого сама. Вот и расхлебывайся теперь! Я тебя любил до операции, а теперешнюю не знаю, да и знать не хочу. Мотай на все четыре...

Разошлись. Вадим на связь ни разу не вышел.

А Люська пропала. Одни говорили, что она сошла с ума, другие - что видели ее в психушке, третьи уверяли, что Люси умотала в Китай, к своим. Дескать, у азиатов носы мелкие, и там она сойдет за китаяночку. Здоровую такую, мощную, но ведь люди всякие рождаются. Может, где и выращивает чай, наша Люся, Бог знает.

Он действительно знает всё.

СЕМЬЯ БЕРЕНДЕЕВЫХ

Надежда и Василий Берендеевы стали супругами, но внешне и внутренне были абсолютно разными; как лед и пламень, например, но! назвался, как говорится, груздем – лезь в семейный кузовок. Надежда, по-деревенскому Надёна, 16-ти лет, - чернявая, кареглазая, красивая, но глуповатая. Может, потому что молодая. К тому же, лентяйка. Василий 27–ми лет, высокий, худой блондин, с белыми же густыми усами,

отличный работяга, линейный электромонтер. Как положено, через год пошли дети. Сначала Катюха – клон отца, беленькая и длинная, как вареная сосиска, а потом Лизка – клон матери, юркая и жгучая. Но Василь был недоволен, он хотел сына себе в помощники. Спящую на ходу Надёну деревенские прозвали Берендеевкой, по хозяйству ленивую мамашу заменяли подрастающие дочери.

- *Еще, что ли, девок нарожать*, - думала Надя, удовлетворенно глядя, как дочери намывают полы в избе, - и уходила спать, вслух ссылаясь на несуществующие недомогания. Дочки все понимали и хихикали, шлёпая тряпками.

В июле, во время грозы, молния подожгла сено в сарае. Катюха бросилась спасать свинушку и обгорела - лицо и руки. Обезображенную девушку родители спихнули замуж за сурового вдовца в дальнюю деревню из 9-ти дворов.

- *Тебя там никто не увидит*, - твёрдо пообещала, прощаясь, мать своей несчастной дочери, - *нет там никого, только кедр, дятлы и медведи. – А кака така разница, где жить – то, родная моя? Главное, доча, муж у тебя есть, ему твоя мордана не нужна особо, что он, баб не видал? Ему другое что нужно, ты уж постарайся, угоди ему, чтобы без разводов мне...*

Старец увез молодую к себе, и, правда, зажили они ладно с такой-то разницей 17:54. Муж Катю не обижал, а баловал чаще. И очень ценил её молодость.

Однако в доме народу ubyло, и Надёна решилась на новые роды: появились близнецы. Девчонка выскочила первой и привела в восторг медперсонал:

- *Ах! Какая ягодка! Писаная красавица будет!*

Затем появился мальчишка, белесый и хилый:

- *Ну, этот не жилец, мамочка, не выживет он!* – вынесла приговор акушерка.

Василь услышал этот нерадостный вердикт, нахмурился, и сгустил усы:

- *Жена! Не выходишь сына – выгоню с треском! Так и знай!*

Надежда поняла: перестала спать, собирала травы на лугах и выпаривала сына, потом отправилась к соседке покупать козу.

- *Слышь, Меланья*, - кричала через забор, - *выжил мой Захарка на козьем-то молочке, спасибо тебе за рогатую!*

Болел Захарка часто, но не умирал.

А девчонка Полина росла как на дрожжах, - ползала по двору сама, когда сестренка Лизка убегала по подружкам. Но в 16 лет красавицу Лизку украли таборные цыгане. Искать пытались, но попробуй найти ветра в поле. Соседи сплетничали: *«Сама убёгла, цыгане девок не крадут, на кой она им ляд сдалась?!»*

Надёна закручинилась, но ненадолго:

- *Не пропадет наша Лизка*, - сказала деревне, - *бойкая она, палец в рот не клади...*

Василий срубил новый дом, обустроил усадьбу, рядом копошились близнецы.

Шло время. Полина выдубила под два метра, сверстники дразнили «каланчой», но не знали, что означает это слово. Полинка не обижалась: она любого могла треснуть так, что дух вон. Училась неважно, но зато успешно занималась баскетболом. А Захарка учился хорошо, любил читать, рисовать, но был слабым, манерным немного, и ростом недомерок. Однако удивительно красивым, с шапкой темно-рыжих волос, золотом отливавших на солнце. Один приезжий назвал Захара «Есениным», а бабушки с любовью звали парнишку *«нашим деревенским рыжиком»*.

Полина оказалась талантливой баскетболисткой, и вскоре её переманил город. Со временем она вышла замуж за спортсмена, тоже высоченного жердину. А Захарка утешал родителей своим присутствием: сидел дома и сверкал золотистой головешкой.

- *Домашний он у меня*, - делилась Надя, - *тихий. Хоть и чахлый, но живой.*

Вскоре отца семейства прибило током на столбе, приехала Полинка на похороны отца:

- *Мама, Захарку я заберу с собой, пусть учится профессии. Работаю тренером, есть связи и знакомства, помогу брату.*

Так Надежда осталась одна:

- *Охтиньки мне, горе-то какое! – плакалась. – Ведь было четверо деток, а все разбежались, будто ветром сдуло. И Васечку моего Бог забрал. Как тяжело-то одной, не пересказать! Хорошо, что Захарка живой, не пропадет с Полинкой. И где Лизонька моя, один Бог знает.*

К матери нет-нет, стала навещаться Катерина со своего далекого хутора, так, поддержать. Каждый раз в новом платке с кистями, то в павловопосадском, то еще каком.

- *Будем, мама, чай гонять,* - говорила, и гладила матерёшку по плечу. И доставала гостинцы: мед в туюске, копчёную медвежью лапу, грибов белых соленых, да варенья брусничного. - *Что там с братишкой, ма?*

А Захар не пропал; Полина ему много помогала, - выучился на визажиста, тогда эта профессия только-только стала входить в моду. И набрал популярность, о нём даже журнальчик один написал.

- *Зовет меня Захарка к себе,* - хвасталась Берендейка деревенским, - *квартиру купил, студией называется, деньжищ кучу заработал, и мне кажин месяц высылает, я уже устала дорогие пряники трескать.*

- *А кем работает сынок твой?* – спрашивали многие.

- *Да «живазист» какой-то, не знаю, кто это. Главное, ему платят хорошо. Но я никуда не поеду, потому что свой дом лучше, чем студия какая-то, леший её заberi. У печки тепло и огород есть! А в студии огорода нету, Захар сказал. И не будет.*

В тот год зима выдалась снежная, метели да бураны один за другим. Под вой ветра вязала Надёна носок, как залаяла собака:

- *Кого это леший припер в такую метель?* – недовольно ворчала Надежда, прислушиваясь к стуку двери. Подумала: *«Ладно, отворю!»*

На пороге стояла закутанная в шаль женщина со свертком в руках. Сверток попискивал. Надежда заглянула в лицо и ахнула:

- *Доченька, Лизонька, ты ли, родная?! – И завалилась набок.*

- *Мама, это я, с ребенком. Примешь ли?*

Лиза быстро скинула шубейку, дала матери воды.

- *Мамочка, я все расскажу по порядку, сядь, успокойся, не плачь только, родная.*

- *Как не плакать, миленькая, как?! Я от радости реву: не чаяла, не гадала. Счастье-то какое?!*

Приехали все дети, расселись вокруг стола, выслушали исповедь сестры, поплакали сначала, что такое с сестрой приключилось. А потом порадовались, что нашлась кровиночка их, что они все вместе. Все в сборе, как положено семье. Обняли мать кругом и стояли, колыхались, а она – внутри своих детей, плыла в волнах любви их, и плыла, и плыла, и плыла, и была безмерно, бесконечно счастлива.

ТИМ и ТОМ

Пацанов называли «неразлучниками»; упитанного, розовощекого Тимошу и юркого, худого Томаса объединяли безотцовщина, плохое поведение и разгильдяйство. У Томаса не было даже матери, она умерла вскоре после родов, оставив в наследство сыну имя в память о писателе Манне, чувство обостренной справедливости и яркие зеленые глаза, сверкающие, как александрит. Он жил с подслеповой бабкой. Тимофей же обретал в хорошей квартире с матерью-адвокатом и ни в чем не нуждался. Их тянула друг к другу противоположность

темпераментов и мужская дружба, как некая ритуальная привычка с давних допотопных времён, когда мужчины, встав спина к спине, отбивались от дракона.

Тимоша завидовал другу за его беспечность, браваду, наглость. Том никого и ничего не боялся, а Тимоша был трусоват. Томас же питал к Тиму, помимо привычки, еще и меркантильный интерес: носил выбракованную одежду друга, играл его футбольным мячом, катался на его крутом велосипеде.

Интеллигентный Тимоша учился у друга курить, смачно материться, виртуозно плевать, стрелять из рогатки, нырять до посинения, и пренебрежительно относиться к девчонкам. Мать не одобряла дружбы с фриком, но терпела, понимая, что сыну необходим друг, кроме собаки и домработницы.

Лето пацаны проводили традиционно-обалденно: лазали в чужие сады, разоряли в птичьи гнёзда, ловили пескарей и жарили их на костре, строили шалаши на земле и деревьях, а также плоты на речках, чтобы махнуть на Амазонку, где хотелось завалить пару индейцев. Естественно, из-за скальпов.

Лет в 15 азартно играли в карты, ножички... Зарекались когда – либо жениться:

- *Девчонки - глупые тёлки, - убеждали дворовых друзей баском, - писклявые особы, которые вечно что-то канючат. Зачем они вообще нужны, непонятно? Ну, их! А у нас классное мужское братство!*

В основном верховодил Томас, а Тим черпал идеи друга, раскрыв рот, и безоговорочно со всем соглашался. Он признавал главенство друга и был счастлив с ним.

Учиться в отраслевом автомобильном колледже сына заставила мать, но Тим взбунтовался:

- *Не буду учиться без Тома, хоть убей!* – заявил.

Мать не стала спорить, отправилась оплачивать семестр и Тому, сироте. Но, в конце концов, его выперли за неуплату: за первым финансовым благодеянием мамы Тимофея не последовало второе, увы. Тимка тоже захотел бросить учёбу, но мать пригрозила устроить на работу дворником.

- *У нас новая иномарка, ты должен научиться не только водить её, но при необходимости и ремонтировать. И потом - профессия автомеханика денежная, очень неплохая. Обрастешь связями, как кораллы – водорослями.*

Ну, а Томас подался в ученики токаря:

- *Зачем тебе в железках возиться?* – пытал Тим, - *это работа для безмозглых работяг! И грязная.*

- *Не скажи, научусь делать всякие отличные замки, разгадывать коды в сейфах, понял?*

В 17 лет оба дружка закончили «образование». Тимофеем получил права, но к машине его не тянуло. А вот Томас водил втихаря, причём без всяких прав. Приспела армия: Томас с охотой пошёл служить, хотя и заработал в казарме пару-тройку шрамов на лице, а Тима мамаша откупила от службы, и тот практически болтался без дела.

Том вернулся:

- *На работу надо выходить, бабка Изольда болеет, то да сё, лекарства нужны, и прикид гражданский – тоже. Давай, бро, замутим что-нибудь такое денежное, а?*

- *Зачем мутить?* – Тимофеем подмигнул, – *есть офигенный вариант. Я возьму у родительницы бабло, - она скопила на дачу, - а свалю на домработницу – молдаванку, она все равно на днях уволилась и умотала к себе домой.*

- *Да мне немного надо, я верну с первой полочки, - удивился такому варианту друг, - ты подзагнул, Тим. Это экстремально.*

Теперь Томас пропадал на работе, осваивая сварку и слесарку, и что-то там придумывал, а друг возил мать на машине со скучным лицом. Месяца три не встречались. Том редко бывал дома, а тут похоронил бабушку, когда заявился неожиданно Тимка. Поговорили за умершую, которая была неплохим человеком, и помолчали, - Том был чем то расстроен, нервно курил:

- *Томас, помоги угнать «Ниссан», я мамашин разбил в хлам, она требует компенсации.*
- *Слушай, ты мне друг, но в тюрягу неохота, у меня другие планы, я тут к девочке одной присматриваюсь...*
- *Девчонка? На кой ляд она тебе, да еще так рано? Это же пелёнки – («я беременна, прости!»), - какашки, и всё такое. А тюрьма, что тюрьма? Подумаешь! Это же опыт, сын ошибок трудных. Тебя там научат взламывать сейфы, появятся крутые друзья – зеки. И потом: Сталин и Ленин тоже сидели, а кем стали? То-то!*
- *Открывать сейфы я сам научусь, если надо будет. Сам угоняй, ты же у нас водила.*
- *Я плохо вожу, ты же знаешь... Зато я уже договорился перебить номера, помоги, а?*
- *Ты дурак: нужны документы владельца, усёк, а за повторную маркировку 15 тыщ скопил?*
- *Скопил... У мамани же и свистнул.*
- *Да? Тогда дерзай! А я при деле, у меня оформление патента, и девочка меня ждет и верит. Я хочу жениться.*
- *Далеко ты шагнул, друг, обогнал меня...*

Тимофею таки вlepили пятёрочку за его странные делишки с авто, - мать не простила ему и кражу её дачных денег:

- *С кем подружился, от того и научился, - сказала назидательно сыну, - опосредованно обвиняя Томаса, - говорила тебе, чтобы не шлялся с беспризорником, а ты не слушал. Посиди теперь, подумай, как правильно жить, - сказала на прощанье.*

И сын сел «думать».

А Томас стал известным изобретателем.

Ничто не вечно под луной, даже святая детская дружба. Потому что, когда появляется женщина, и вместе с ней первый поцелуй и робкое нежное дыхание, мужчины думают, что всё, что было прежде нее – просто обычная иллюзия...

ЭМКА

Девушку звали Мариной. Она была дерзкой, начитанной и слегка авантюристичной.

Став взрослой, она заявила окружающим:

- *Марин много, а я одна такая, буду просто «Эм»!*

Обладая гренадерской фигурой, утверждала, что толстовата «умеренно». А скорее – она плотная, или нет: почти стройная, а вообще - красавица. И никто не знал, шутит она или нет. Закончила медицинский колледж и приехала к тётке Доре в Ейск, погреться.

- *Какая из тебя медсестра?! Скорее, медбрат, - заметила тётя Дора, неожиданно раздражаясь под воздействием довольно неплохого вина. – Лучшие бы училась на кулинара, как я. Помни, «дорога к сердцу мужчины лежит через его желудок», усекла?*

- *К сердцу солдата, а сказал это Наполеон, - заметила Эмка, надкусывая конфету. - Это не торт сказал, это был такой бригадный генерал, француз. Что, впервые слышишь?*

- *А что, солдат – не мужчина, что ли? – фыркнула тетка. – Какая разница?*

- Ладно, насчет дороги я сама решу, - парировала Маринка, - а ты забивай желудки кексами, и пирожными, и булками с изюмом, я не против. Толстой кишке надо работать.

Дора обиделась:

- Тоже мне, медик! Все вы пошлаки, лишь о своем, о низменном! Большого мнения о себе! А тебя даже моя кошка Фроська не признает, заметила?! Бежит прочь, задрав хвост.

- Угу. Кстати, зверей нельзя называть человеческими именами. Ефросинья – есть такая святая, в курсе?

- Много ты знаешь! - перебила Дора, - у тебя была собака Рекс, а это имя тоже носит в Америке какой-нибудь негр из Белого Дома.

- Ладно, тётя, давай забьем на эту тему, - примирительно сказала Эмка, вытягивая длинные ноги и сцепляя руки на затылке. – Слышь, танцы-то в вашем тухлом городишке есть?

- А что? Тебе сколько годков-то, дорогая, по танцам шастать?

- 19, ты знаешь.

- Я-то знаю, да ты забыла. Я уже в твоём возрасте бабой была, детей рожала. Да дитятки мои все разом угорели.

- М-да, учишь меня еще, а за чадами своими не досмотрела...

Эмка повадилась ходить на дискотеки, а там полно чернявых горцев, красивых и нахальных, самодовольных павлинов в дорогих джинсовых штанах. Ощущалась близость Кавказа. В воздухе плотными стаями носились гормоны.

Понравился изяществом ингуш Эльдар. Он не отходил от белокурой Эмки и с видимой нежностью оглядывал её крепкий зад, мощную грудь и длинные ноги, крепкие, как израильские кипарисы. Он дарил девушке цветы, провожал домой и даже напросился в гости.

Дора, угощая гостя чаем с пряниками, в фартуке в горошек, выговаривала Эльдару:

- Ты бы не волочился за моей племянницей, эвон какой ты мелкий, как суслик, хоть и кудрявый, а Маринка ростом с жирафа. Разве пара вы?

- нет. Побегаешь, поспишь с ней, да и бросишь. Знаем мы вас, джигитов. Своих девок берегаете, а наши девчонки для вас - просто забава, так, для разминки перед браком.

- Тётя Дора, я полюбил Маринку, я её не обижу, не бойтесь! И со своими стариками поговорил, скоро буду знакомить.

Дора не верила: она вообще не верила мужикам, которых Бог создал из земли и глины. Что может хорошего получиться из земли? Только горшок. Ночной или, в лучшем случае, цветочный. А вот женский пол создан из Адамова ребра, а это уже человек, чувствуете разницу?

Но вслух она сказала:

- Допивай чай, остывает... Опять-таки ты шофёр, разве это профессия? Хоть бы поваром был, а что ты принесешь после работы? Кружку бензина детям?

- Я только летом шоферю на «Скорой», а так я учусь на врача, - уточнил Эльдар. – А врач лучше, чем повар, согласны?

Доре не нравился Маринкин ухажер, она нутром чувствовала, что он не пара, но убаюкивала себя тем, что это временное увлечение, и скоро пройдет, как грипп. Эмка же была влюблена в Эльдара, он казался ей верхом красоты, ума и обаяния. Ей нравилась его антилопя грациозность, он был гибким, сильным и ловким, и напоминал нефритовую статуэтку, только новую, еще не покрытую старческой патиной и плесенью. Хоть ставь любимого на журнальный столик и любуйся круглыми сутками.

Незнакомое чувство заполняло все её мысли, оно пришло впервые, и было обжигающе – пугающим, новым. Они проводили много времени вдвоём; купались, загорали, танцевали по вечерам, часами просиживали в кафешках, ожидая своих шашлыков, иногда выпивали винца, наблюдая друг за другом из – под длинных ресниц.

А потом Эмка исчезла – не пришла с танцев. Но обнаружилась записка: *«Поехала с Эльдаром к его родне»*. Дора не находила себе места: откуда ей знать, куда именно отправилась эта сумасбродная, втрескавшаяся как кошка, в горца, девчонка? Как оправдается она перед родителями её?

И побежала на станцию Скорой помощи. Там сказали:

- *Нет, и не было никогда у нас водителя Эльдара. А что?*

Они долго ехали по трассе, перекусывали в придорожных кафе, спали в гостиницах в разных номерах. Эльдар стал суровым, почти не отвечал на вопросы.

Но Элька не расстраивалась; за окном авто мелькали разные ландшафты, вдали маячили горы. А рядом – любимый, и она любовалась его точёным профилем.

Но потом машина свернула влево на проселок, удалилась от горных пасторалей, и поехала по однообразной серой местности. Глухое безлюдье, иногда вдали показывалась отара овец и фигурка спящего пастуха на лошади. Жара, пыль и тряская дорога.

- *Маринка, скажи честно, ты девушка или нет?*

Эмка опешила:

- *Разумеется, не парень. А зачем тебе?*

Эльдар затормозил, вынул из-под сиденья кинжал, повертел перед лицом Эмки: *«говори правду!»*

- *Да, -* прошептала девушка охрипшим голосом.

- *Если обманула, познакомишься с этим кинжалом, у меня заказ от одного старого борова на тебя, лучший вариант в твоей несчастной судьбе. А нет, так станешь наложницей для меня и моих пяти братьев, усекла?*

Эмка потеряла дар речи, горячая кровь прилила к вискам, стало нечем дышать. Она себя почувствовала, как бегемот, тонущий в болоте. В голове стучало: *«Заказ... наложница... что делать? Вокруг степь, некому помочь...»*

- *Эльдар, ты же говорил, что любишь меня, не делай этого!*

- *Подумаешь, говорил... Мало ли что можно говорить. Мне позарез нужны деньги на выкуп невесты, я женюсь...*

Маринка горько заплакала, теперь она ненавидела избранника.

Ближе к вечеру мотор перегрелся и заглох.

- *Вот шайтан, так и знал, -* зло сплюнул Эльдар.

- *Можно я по нужде схожу в кустики?*

Джигит полез под машину: *«Недалеко, и быстрее назад!»*

Солнце заходило, отбрасывая косые розовые лучи. Марина помчалась, что есть мочи, боясь оглянуться. Добежала до болотца, почти скрытого тучей оводов и комаров, среди пыльных камышей, и спряталась за кочкой. Когда заурчал мотор, уже стемнело, потом машина ходила кругами, а потом стало тихо. Маринка всю ночь просидела на болотце среди радостных комаров, почесываясь от укусов, прислушиваясь к степным звукам и шакальему вою. Луна была на ущербе, её высоко висящий в небе серпик напоминал ятаган, а это брат кинжала; Маринка страдала от страха и холода, и к утру совсем закоченела.

На третий день, плутая и изнемогая от жажды, «наложница» наткнулась на отару овец и немного чабана. Он дал кусок лепешки, бутылочку воды, и махнул рукой в том направлении, в котором надо было идти. И еще волочилась день, только к вечеру выйдя к трассе. К этому моменту Эмка настолько устала, что согласилась бы быть наложницей у кого угодно, лишь бы ей дали помыться, попить и поспать.

Пожилой абрек на фуре тормознул и привез к себе домой. Повезло: жена водителя оказалось русской, очень доброй и энергичной женщиной. Выслушав историю девчонки, она крикнула:

- *Салман! Кто из ваших подбросит Марину до Ейска?*

С помощью этой семьи добралась до тётки, которая настолько извелась, что даже облезла с затылка, и, увидев племянку, она заплакала:

- *Господи, господи! Явилась, любительница Наполеонов, ингушей и приключений!*

Загорелая, сильно похудевшая, исцарапанная Маринка стояла, слабо щурясь от стыда:

- *Прости меня, тетя Дора, я и вправду влипла в историю! Молодая и глупая я ещё, но это пройдет. Простишь?*

- *Хорошо, что нашлась, я уж думала, не свидимся...*

Через год Эмка вышла замуж за слесаря Ивана. Правда, он был заметно старше, лысоват, и глуповат, зато бесконечно добр и безопасен: теперь эти качества Эмка более всего ценила в мужчинах.

САГАЙДАК ЕГОР СЕМЁНОВИЧ

Даша росла без матери. Нет, мать не умерла, она попросту сбежала с заезжим циркачом:

-...*в полосатых штанах, тьфу!* - уточнял отец презрительно.

Отец нравом был весьма строг, его боялись подчиненные и Даша тоже. Дашутка, как звала её бабушка, была небольшого росточка, хрупкая и улыбчивая. После окончания школы работала библиотекарем. Летом в большую деревню близ города съезжались студенты – практиканты, будущие инженеры, агрономы, зооветеринары. Было весело, каждый вечер в клубе танцы под баян. И кавалеров предостаточно. Даша задружила с Игорем. После танцев собирались на пустыре за клубом у костра, пели песни, смеялись. Игорь уводил Дашу под раскидистое дерево, шептал комплименты, обнимал и горячо целовал, глядя волнистые волосы. Миновало лето, студенты – практиканты внезапно уехали. Раз – и пусто, не стало никого. Уехал и любимый, забыв проститься. Стало скучно и одиноко, моросили дожди, а по осени Даша обнаружила, что беременна.

Она растерялась, не знала, что делать, плакала и плакала ночами. Боялась огласки, а еще больше страшилась отца. Пронырливая бабка догадывалась, но молчала. Шёл седьмой месяц. Даша куталась в шаль, чтобы скрыть расплывшуюся фигурку. Отец заметил, или бабка подсказала, но, застав дочку в сарае, грозно зарычал:

- *Что, шлюха, нагуляла? Для того я тебя растил, чтобы ты меня опозорила? Паскуда! Как я людям в глаза посмотрю!*

Он бил дочь остервенело, без малейшей жалости, пинал в живот кованым сапогом. Даша потеряла сознание, тут же с коровами в сарае родился её мертвый ребенок. Отец тайком похоронил его в конце огорода, завернув в коврик.

Даша провалялась месяц. Она не хотела жить, её помертвевшие глаза тупо смотрели на мир. Пробовала отравиться, но ушлая бабка вовремя заметила и помешала. Тогда Даша решила уйти в город. Пешком.

Зима на редкость была снежной, из-за бурана и слабости девушка не дошла каких-то 3-х километров, но поблизости маячила мельница и собаки учуяли человека, лаяли и рвались с цепи. Мельник Семён пошел поглядеть, в чём дело, обнаружил молоденькую женщину и принес ее на руках. Отогрел на печи, напоил отварами трав. Даша проспала целые сутки.

Вскоре заявился и отец, и как нашел?

- *Домой не вернусь, хоть убей!* – твердо сказала дочь. И осталась на мельнице, переждать зиму, хозяин был не против: занятий много.

Семён, дважды вдовец, относился к Дарье, как к дочери, своих детей у него не было. Она видела, какой он добрый, внимательный, работающий. К весне предложила сама:

- *Дядя Семён, давайте поженимся?*

- *Детка, я же вдвое тебя старше, ты что?!*

- *Это ничего, даже хорошо.*

Отец приехал еще раз, дескать, возвращайся домой. Бабка умерла, он один... Просил прощения за свой гнев, но Даша не верила:

- *Нет. Дом у меня теперь здесь, а Семён – мой муж.*

- *Вона что? Ну ладно. Живи, только надолго ли? Еще пожалеешь!*

Семён был хорошим хозяином: дом в деревне, дом на мельнице, свинарник, пасека. Все успевал, да и Даша с радостью помогала. Прошло три года, детей не было. Семен винил себя, а Даша молчала, зная, что отец искалечил ее.

- *Сёма, вот бы нам взять сиротку, а?*

- *Да где ж её найдешь, где место то особое?*

Но втихаря мельник свел знакомство со старым акушером, тот не обнадеживал, вообще-то: в роддоме много лет никого не оставляли. Однако случай таки подвернулся: родился недоношенный малыш, а матери, тоже почти ребёнку сообщили, что дитяtko не жилец. Та ночью с радостью сбежала из палаты. Вот это хилое чудушко и привез врач на мельницу.

- *Ой, какой красненький червячок!* – воскликнула Даша. – *Извивается!*

Акушер рассказывал, как ухаживать за младенцем:

- *Если за 2 месяца выживет, то укоренится для жизни и дальше,* - сообщил про ребенка, как о саженце, взял мешок презентов и уехал.

Любовь, уход и алтайские травы сделали из «червячка» красивого пупсика. Егорка стал наипервейшей радостью родителей.

Старый Семён стал чувствовать себя калифом: у него не было денег на счетах, но было достаточно других ценностей: двух домов, мельницы, скотины, мягких улыбок молодой жены, любимого сына, машины, трех собак, пасеки, ручной лисы и дружбы со всей деревней. Он ходил, и сиял, иногда задаваясь вопросом; за какие такие заслуги Бог всё это дал ему?

Шли годы, сынок в первом классе, потом седьмом, потом окончил школу. Из-за Егора жили теперь в деревне. Решили отпраздновать получение аттестата зрелости. Пришли родные Семёна, кумовья, друзья. Пришел незванный дед, и прямо с порога:

- *Егорка! Ты не родной им сын, знаешь ли это? Дрянь они, эти твои родители, скрыли правду от тебя...*

- *Знаю, что не родные,* - сказал Егор, привстав, - *и что? Они меня не родили, но кормили, воспитали, занимались со мной. Низкий им поклон за это, я люблю их больше жизни своей! А ты иди, дед, отсюда, твоя мстительная речь здесь не к столу.*

Из этого Егорки вырос и сформировался впоследствии настолько цельный человек с пластом необыкновенных человеческих качеств, что, если местный признавался, что не знает такового, это звучало как оскорбление самому себе.

ШИПЫ ДА РОЗЫ

Кроме семьи, все Эльзу звали Лизой. Отец, поволжский немец, погиб на войне. Мать вышла замуж вторично и родила двух пацанов. Отчим внешне напоминал преступника, строго по Ломброзо: выпуклые надбровные дуги, нос крючком, смотрел зло и исподлобья, так себе производитель. Падчерицу люто возненавидел, попрекал всякий раз куском хлеба. Называл не иначе, как немчурой.

Со временем выяснилось, что ни на каком фронте он не был, а отсиживался в лагере. Что совершил, не говорил, так и осталось это для всех загадкой. Как-то в ответ на «немчур» получил неожиданно:

- *А вы-то, вы-то, - зек паршивый!* – Отчим взбесился: *«Вот гадина немецкая! Вон отсюда!»*

Началась тихая война: Эльза старалась не попадаться отчиму на глаза, ночевать уходила к подруге Нине. Мать переживала, страдала от мигреней, но держала сторону мужа, боялась потерять свое сокровище. Эльза прижилась у чужих людей, окончила школу:

- *Ты, Лизка, уехала бы учиться, думаю, не пропадешь!* – советовала мать Нины, - *ты славная девчушка, работы не боишься. Будешь подрабатывать, да хоть уборщицей. Лишь бы копейка водилась.*

Пришла на проводы тетка, сестра матери:

- *Лизка, на мать не обижайся, она больная и слабая характером, боится своего вурдалака, вот, денежку тебе передала, вещички, езжай с Богом!*

Крестная напекла ватрушек- подорожников:

- *Не нравится нам твой отчим. Грозится пришибить тебя. Зек он, им и останется. Лучше уезжай.*

Лиза поступила в институт, взяли лаборанткой, а также поселили в общежитие. Она училась и мыла допоздна колбы и мензурки, пока ее сокурсницы ходили на танцы, в кино, встречались с парнями и выходили замуж. Все это прошло мимо Лизы. Пятый курс, защита диплома. Куратор курса как – то остановил девушку в коридоре и, смущаясь, пояснил:

- *У меня к вам деловое предложение. Не знаю, как вы отнесетесь к нему, - и замолчал надолго. – Словом, моим приятелям срочно, хотя бы на время, нужна сиделка к бабушке, и непременно немка. Как вы на это смотрите? Бабушка после инсульта, а дети заняты наукой. Комната и оплата вам гарантированы. Не обижайтесь только. Да, и бабушка вредная очень, это возрастное.*

У Эльзы промелькнуло в голове: одежда и обувь изношены, подработка не помещает.

- *Я согласна,* - сказала тихо.

- *Вот и ладненько!* – куратор обрадовался.

Лежащая бабушка оказалась капризной: перебирала пищу, иногда плевалась, говорила только на немецком языке, просила делать прически на голове, хотя осталась на черепе только пролысина, сверкающая, как начищенный таз.

- *И бантик, деточка, вот сюда!* – говорила Лизе, показывая на лоб.

Язык Эльза знала, чем радовала больную. Приходила медсестра, делала уколы, протирала сухонькое тельце согревающими мазями. Пациентка плохо спала, поднимала Эльзу:

- *Читай мне Ремарка!* – говорила. Любила его.

Она угасала на глазах, и привыкала к сиделке, которая покорила своей кротостью и смирением. И стала последней её радостью.

Случилось неожиданное событие: в гости напросились профессор с сыном из Гамбурга, им на конференцию, а в гостиницу селиться опасно: весь мир знал о прослушках номеров тружениками из КГБ. Хозяин не решился отказать уважаемым людям из-за больной матери, неудобно: это ведь не навечно.

И вот нарисовались в дверях: сухой, как палка, профессор с лицом Энштейна и молодой сын Эрвин, который не знал ни слова по-русски.

Пока ученые мужи осваивали шнапс и водку, Эрвин разглядел Эльзу, симпатичную и тихую. Знакомство состоялось. Отныне она стала в придачу к основной обязанности еще и гидом, но не тяготилась этим. Через две недели Эрвин созрел: заявил, что желает сделать предложение Эльзе. Отец, рассмотрев невестку обстоятельнейшим образом, с радостью сказал:

- *Одобрю!* – И Эльзу увезли в Германию.

Она имела на руках диплом и знание языка, а это значило многое.

Эльза не теряла связей с подругой, и они регулярно переписывались.

Шли годы. Каждому свое - Эльза сделала карьеру, став заведующей крупной лабораторией на химическом заводе.

Но вдруг телеграмма: *«Твоя мама при смерти. Нина»*.

Эльза и Эрвин сорвались. Самолет, перелет, и вот они у постели умирающей. Похоронили. Теперь отчим и не заикался насчет «немчуры», молчал.

Он стал инвалидом после автоаварии, сидел в коляске. В душе считал, что в смерти жены виновата Эльза, но помалкивал. На третий день после поминального обеда обратился к «немчуре»:

- *Я никакой, и долго не протяну. Если можете, заберите пацанов к себе в Германию, а то им светит детдом.*

- *Живи долго, - беззлобно сказала Эльза, - а братьев я увезу, конечно. В память о матери.*

ВАРДАНЯН

Он лежал и мучился: сон никак не приходил. В тысячный раз перелистал свою жизнь – было всякое, но хорошего, конечно, больше.

- *Ты опять не спишь?* – встревожилась жена. – *Ашот, дорогой, так нельзя, иди к врачу. Клавдия Михайловна таблетки пропишет. Она хорошая.*

- *Таблетки не помогут, нет таких лекарств в природе. Видения преследуют, стоит закрыть глаза: этой ночью я будто бы опять упал с крыши на кирпичи, как это было в пятилетнем возрасте. Страх и боль в сломанной ноге!*

- *Ну, это у всех бывает, просто воспоминания, - сказала, зевая, Анна, - ты не обращай внимания, да и все.*

- *В тот год мама умерла, отец сразу же привел мачеху. Я так её боялся, что стал мочиться в постель. Думал, что она ведьма. Позже оказалось, что она меня приняла, как сына, потому что свой утонул в речке. Но отец стал выпивать, бросил работу, и каждый день искал случая нажраться. Мачеха уговаривала, вставала на колени, грозилась уйти. А он свирепел и бросался на нас с кулаками, доставалось обоим.*

- *Щенок! И ты – туда же?! – кричал, замахиваясь.- Потом отцу пришла в голову грешная мысль: что я ему не родной сын. Вопил, что я подлец и голову оторвет мне. Я, конечно, боялся и прятался за диван. И эти страхи, Анна, приходят ко мне и душат. Понимаешь?*

- *Когда засыпаешь, думай о хорошем, не вороши прошлое. Оно было, да ушло.*

Ашот и Анна Варданян перебрались из Армении в Россию 10 лет назад. В отличие от других армян, Ашот на собственные средства построил дом, обнес высоким забором, приобрел собаку - алабая. Дети – погодки, оканчивали школу. Отец умер от цирроза печени, мачеха уехала. Отец не любил сноху Анну, но Ашот был с ней счастлив. Все бы хорошо, если бы не сны, которые мучили его уже полгода. Ашот держал кафе, любил порыбачить. Армянская община этого приморского городка была обширной, богатой. Держались вместе. Староста Георг Саркисян строго следил за порядком и финансами. Сообща проводили похороны, оказывали переселенцам посильную помощь. Ашот в благотворительности не нуждался, сам охотно вносил деньги в общую кассу. Жизнерадостный и веселый днем, к вечеру заметно грустнел, и не напрасно: ночью внезапно просыпался весь в поту, поднимал голову, прислушивался. Тишина нарушалась едва слышным дыханием жены Анны. На улице шумел ветер, усиливая тревогу:

- *Опять не спишь?* – в полусне шептала супруга.

Ашот закрывал глаза, пытаясь выровнять скакнувший пульс, думал о детях, сыну 17, скоро армия. Внутри поселился холодок: вспомнил свою службу и момент, когда дед замахнулся топором. Где он его взял, интересно? Ашот увернулся, но тот страх перед блеснувшим лезвием тоже жил в нем, и никуда не делся.

Его короткие сны обязательно заканчивались ужасом. Ашот вставал, шел на кухню, пил чай, читал.

Жена сердилась: *«У тебя глюки, ты все выдумываешь. Что-то неладно у тебя с головой!»*

- *Пойми, вот уже месяц, как я остро чувствую опасность, и она дает о себе знать через вот эти мои страхи. Я не знаю, что такое случится, но мне что-то угрожает.*

Анна привсталась, зевая:

- *Ну, и что это? Или кто?*

- *Не знаю, но опасность близко, я различаю ее запах.*

- *Выдумываешь все, Ашот! Разве опасность пахнет? Спи, давай. У нас замечательные дети, хороший дом, мы не нуждаемся, врагов нет. Что еще? Какая опасность?*

- *Ты не переживай, Анна, может, действительно все эти сны - бред и чушь, но я понял одно – мне угрожает смерть.*

- *Ну, ты загнул!* – Анна нехотя рассмеялась. – *Завтра вместе пойдем к врачу. Наверное, поджелудочная. Я говорила тебе: не ешь острое на ночь, а ты...*

В ту роковую ночь монотонно лил дождь. Среди ночи залаяла собака, у ворот остановилась машина:

- *Эй, хозяйева, откройте!*

- *Ашот, кто-то приехал?*

Ашот натянул спортивный костюм, на ноги - калоши, вышел. Анна набросила шелковый халатик, выбежала на крыльцо следом – никого. Машина в конце проулка сверкнула фарами, собака захлебывалась от лая.

- *Ашот! Ашот!*

Ни звука. Закрала калитку, села на крыльцо ждать. Ждала до утра, ждет до сих пор.

Муж как будто растворился. Исчез бесследно в трико, калошах, сонный.

В милиции начальник отделения сказал заплаканной женщине:

- *Наверное, к любовнице свалил ваш муж. Армяне – они такие, вам ли не знать? Вот тут вот подпишите заявление и идите себе домой.*

Часто люди не слышат друг друга, а надо бы!

ПРОДАТЬ – НЕ ПРОДАТЬ

Фая продавала дом, но когда приходили покупатели, неожиданно отказывала. Она любила свой выстраданный дом на центральной улице тихого приморского городка, потому томилась: продавать или не продавать? Фая – татарка. Когда-то в ранней юности влюбилась в русского парня, но мать взвыла:

- *Или я, или он! Выбирай! Выйдешь замуж только за нашего, за татарина!*

Фая выучилась на парикмахера, приобрела опыт, стала заведующей салона. Татарин не нашёлся, да она и не искала его. Жениха привела мать: какой-то дальний родственник.

Невысокий, толстенький, глазки круглые, немигающие, бесцветные. Чтобы не перечить матери, приняла. Она строила свой дом, а новый муж никак не подключался, любил выпить и поразвлечься с друзьями, такими же балбесами. Фая думала: *«Леший с ним, хоть дитя заведу, а там видно будет!»*. Забеременела. Однако муж требовал денег. Оказалось, что он не только не работал никогда, но и не собирается. Фая денег сначала давала, а потом отрезала:

- *Нет у меня грошей, сам трудись!* – Супруг уже выпил и обозлился: избил так, что Фаю отвезли в больницу, где произошел выкидыш.

- *Мама, что за чудовище ты мне подсунула?* – спросила родительницу. – *Какой профит мне с него? Кормить и побои залечивать?*

- *Нет, стерпится – слюбится,* - сказала упрямая мать, ей зять нравился. – *Бьет – значит, любит! Все мужики дерутся, он у тебя не слюнтяй какой, настоящий мусульманин!*

- *Нет, не стерпится!* – и Фая выгнала муженька.

Тот из мести поджег стройку. И сказал:

- *Я поджег, и что? Зато долго будешь помнить, овца! Скажи спасибо, что не придушил тебя!*

Фая продолжала восстанавливать дом, залезла в долги. Ей уже стукнуло 40: ни мужа, ни детей, зато отличный дом о четырех комнатах. Решила три комнаты сдавать, чтобы погасить долги. Первым жильцом оказался командировочный: вальяжный, породистый, как выставочный скакун. Звали Игорем.

Фая втрескалась в него с первой минуты, как увидела, даже сердце заболело. Смущалась, роняла посуду, заикалась, терялась в разговоре. Игорь это заметил, лукаво улыбался, подшучивал.

Вместе пили чай, а потом и обедали. Влюбленная женщина готова была мыть ноги постояльцу, и пить эту воду. В голову приходили когда-то слышанные строчки из песни: *«След его ног целовала, чуть на него не молилась...»*

- *Это про меня,* - думала.

Начался роман, плавно перешедший в брак, они расписались в ЗАГСе.

- *За что мне такое счастье? Я курица, а он павлин!* – раскрывала душу подруге. – *Та соглашалась, кивала, потому что видела Игоря и была солидарна с подругой.*

- *Мда-а-а,* - завидовала, - *может, Файка, у «твоего» брат есть? Спроси.*

Игорь взялся оформлять дом, утверждая, что у него есть время, и получится быстрее. Да и вообще, не женское это дело – бумаги. Иногда уезжал в Сибирь, привозил деньги. Заставил Фаю уволиться:

- *Я мужчина, сам буду крутиться,* - сказал твердо. Фая задыхалась от счастья. Она не интересовалась, кто он, и откуда. Где работает. Есть – и все! Достаточно.

Летом приезжали в гости его друзья, странные, неразговорчивые, на дорогущих машинах, сорили деньгами, ели шашлыки, пили дорогие коньяки, шептались.

Фаю это настораживало:

- *Игорь, кто эти люди?*

- *Зайка, этого тебе знать не надо. Деловые люди, вот и все.*

- *Ты тоже деловой? Почему не рассказываешь о своей работе, своих делах? Что ты забыл в Сибири?*

- *Сибирь большая, дел там невпророт, занимайся своими делами, дорогая.*

Из очередного визита в Сибирь – матушку прикатил на джипе:

- *Смотри, какая тачка у меня, японская! Фаина-Фаина, увезу тебя я в тундру на оленях утром ранним, - и засмеялся, - ты же нигде не была, присохла тут к своему винограднику. А там такая красота, а кедры! А реки! А воздух! Дух захватывает!*
- *Да, Игорь, я нигде не была. Я много лет дом строила, одна.*
- *Молодец, что построила. Это не бабье дело, конечно, но ты справилась, умница. Я решил, Фаюшка, дом продать.*
- *Игорь, ты шутишь? Ни за что! Мы же тут живем.*
- *Ну, не кипятись, жена. Я знаю, сколько ты сил вложила. Но, как говорится, не прилепляйся к земному, думай о духовном. Теперь парадом команду я. Я так решил, и баста! Кстати, дом теперь наш, я оформил документы в долевую собственность. Встречай покупателей, а разговор о цене поручи мне, хорошо, милая?*

Фая запереживала, но она доверяла Игорю, потому что любила и привыкла подчиняться.

Очередным летом приехал брат Игоря. Неделю пожил, засобирался назад. Накануне жарили шашлыки, братья вдвоем сидели у мангала, о чем-то разговаривали, потом перешли на шепот. Фая собрала посуду, затаилась за деревом.

«Продам дом и в машину её, а там, в глухомани – тюк по башке, да в валежник. Никто искать не будет, а если и будет - не найдет».

Фая онемела от ужаса, такого предательства не ожидала. Ночевать ушла к матери. Вернулась в дом с мамкой и старшим братом.

Гость уехал. Фая молча собрала чемодан Игоря:

- *Уезжай, пожалуйста, да побыстрее, я слышала ваш тайный сговор. И соседка - тоже. Появишься еще раз - сообщу в милицию. Тут, в телефоне, записан ваш разговор.*

Продавать? Не продавать?

Конечно, не продавать!

Через пару лет явился сибиряк с письмом от затаившегося и на что-то надеющегося Игоря, торчал у калитки и трезвонил. Фая стояла под сенью грецкого ореха, и сказала матери:

- *Скажи ему, что меня нет дома. И никогда для него не будет.*

ДЕДКА, БАБКА И ВНУЧОК

Молодящийся пенсионер Максим устроил свою жизнь основательно: крепкий кирпичный дом на окраине города, огород с туями и теплицами, банька. Хобби – антиквариат, из любимых находок - старинные напольные часы и царские колокольчики. Как не отодвигал Максим старость, она непрошено пришла, злодейка: болит то одно, то другое; то плечо, то подагра, то геморрой. «Был конь вороной, а стал пень полусырой!»- с грустью думал дед о своём нынешнем положении, но расслабляться, между тем, не стал. Надо держать марку в семье: требовать к себе уважения у детей и бабки, быть авторитетом и всё контролировать! Наследники - сын Вова, да внук Иван. Вова - тяжелый, мясистый, занудный, прирожденный лентяй. Иван не лучше, хотя и рожден энергичной дочерью.

- *Сын, давай махнёмся: переезжай в дом, веди хозяйство, а я с бабкой – в твою двухкомнатную. Устали мы от физических работ, покой нам требуется.*

- *Ты что, отец? С дуба рухнул? Копаться в земле - не моя ипостась. Даже не рассчитывай, мне итак хорошо.*

Остается внук от дочки, что живет с матерью на пятом этаже в городе, и вся надежда на него, пусть и темперамент у парня слабоват. Вот кто подхватит эстафету деревенской жизни, вот кто присмотрит за туями и яблонями, когда настанет время покинуть бренный мир! Именно он заведёт оставшиеся в доме часы, и будет слушать мелодичный перезвон, и с благодарностью вспоминать деда.

А пока что Иван - студент, грызёт гранит науки, катается на материнской тачке, тянет денежки у чадолюбивой бабки, потому что молодой организм должен хорошо питаться.

Иногда, к слову, дед не выдерживал и выговаривал бабке:

- *Хватит внука баловать! Надо и меру знать! Пуцай студент подработку находит, надо развивать в нем самостоятельность!*

- *Ты что!* - возмущалась та, - *поддержим, пока молодой, это единственный наш наследник, зачем ему надрываться? Учёба – прежде всего...*

Дед с бабкой знали друг друга давно и понимали, что переубедить противоположную сторону им никогда не удастся. Дед имел упрямый и подозрительный характер:

- *Вань, тебе уж 25 лет в этом году, когда диплом обмывать будем?*

Ванька опешил, почесал круглую голову, набитую опилками, не ожидал такого вопроса: он давно забросил учебу, и даже забыл, когда именно. Проморгавшись, и придя в себя, заявил неуверенно, пряча глаза:

- *Теперь не дают дипломов, дед, всё в цифре, всё он-лайн, время такое, тебе не понять. Так что забей, мой документ будет висеть в базе, и все.*

Старик не понял насчет «цифр и он-лайнов», и решил посетить учебное заведение, не зная, как оно называется и на кого учился его внук.

Это, впрочем, оказалось несложно: в городе имелось два института и один колледж. Во втором по списку учреждении словоохотливая от безделья секретарь, проглядев списки, ровно сообщила:

- *Ваш внук Иван Владимирович Иголкин ушел со второго курса колледжа (специальность: «техник дворовых люков»), сославшись на болезнь родственника, у которого нашли обширное старческое скудоумие. Вот его заявление, вот решение ректората. В течение трех лет может восстановиться.*

Расстроенный дед набух обидой, как грозовая туча – влагой, и вернулся домой. В сердцах пнул бочку с водой, повредил палец, и взвыл от душевной и физической боли. Спустя время набрал внуку и сказал коварно - весело, чтобы не спугнуть:

- *Ну-ка, быстрее мотай ко мне, Ванька, разговор серьезный есть...*

Тот примчался быстро, питая надежду, что скупой дед раскошелится. Чуть не сбил столб по пути, так торопился:

- *Ну, дед, накидай финансов, не стесняйся, да я поеду,* - сказал, сияя, - *ты ведь за этим меня звал?*

- *Тише на поворотах, сукин сын,* - еле сдерживаясь, - заметил Максим, - *почему ты забросил учебу, умник, а деньги с бабки тянешь? И почему не пошел в армию? Почему не устроился на работу? Почему ни хрена не делаешь, позорище, ведь тебе уже 25 лет!*

Ванька слегка растерялся:

- *Так меня же бабушка и мать отмазали от службы, а работать меня не тянет, да и всё. Молод я еще, не определился, дед. Чего ты вообще раскипятился?*

- *Как это: «отмазали»? Тайком от меня? Почему я не знаю? Бабы – дуры! – дед покраснел и затрясся: «Ты, Ванька, вахлак, если тобой руководят юбки!»*

Спустя паузу, попив воды, и хватаясь за сердце, Максим сказал:

- Ванька, ты уже мужик, а у тебя за спиной ничего: ни образования, ни работы. Женись, хотя бы, и живите в нашем доме, это будет задел. Смотри, какое обширное имение! Может, сажая огурцы и картоху, придешь в себя, образумишься?

Ванька без почтения сплюнул на землю:

- Ни за что, дед! Я тебе не раб! И хватит мусолить эту тему, отвали!

Максима прорвало:

- Ты балбес и дурак, - выкрикнул пискляво, - дармоедище!

Не выдержав оскорблений, вбежала бабка:

- Ты, дед, замолчи, - крикнула, трясаясь от обиды за любимого внучонка, - оставь мальчика! Тоже мне, пример для подражания! Сам-то дебошир и пьяница!

Дед недавно попал в кутузку за то, что, отбиваясь от электрика, вползшего на столб за отключением света, вlepил тому в задницу из ружья горсть соли. Пока подстреленный залечивал дома дырявый таз, дед общался в камере с алкоголиками и уголовниками; было весело и интересно. Хороший опыт.

- ... и кормят менты неплохо, - вспоминал дед, рассказывая о своем заключении соседям, - «Дошираком», два раза в день.

- Сидел немного, и что? – огрызнулся тут Максим бабке, - хоть отдохнул от вас, идиотов, и пообщался в неволе с умными людьми.

Внук, обхватив рукой бабушку в знак солидарности и любви, настырно заметил:

- Мне претензий вагон, а сам? И вообще, лучше бы мне деньги отдал, чем тому электрику, что жопу за твой счет лечил....

Дед хотел рассказать про свои принципы, про честь рода и фамилии, но понял, что это лишнее; не поймут его эти двое, не захотят понять. Он стал маленьким, и сник, опустив плечи; сильно ломило пальцы на правой руке, и грустило сердце: зачем копил богатства, и кому? Зачем собирал часы, и для кого? Зачем высаживал туи и кипарисы, если они никому не нужны?

Это бабка разбаловала, развратила детей. Сына испортила, теперь и внука. Так бы и врезал ей в рыло, упрямой, старой корове. Но, видимо, поздно.

- Дед, щи есть, иди, поешь? – сказала примирительно Вера, отправив никчемного внука с пятеркой в кармане домой. – Пока горячие.

- Ешь сама свои щи, - буркнул дед, и спустился в подвал. Там, в углу, сверкая натертым боком, стояла старинная бутылка - подруга с лично сваренным самогоном, из медовых груш и яблок. Он налил немного в серебряную стопочку, нежно понюхал ароматный напиток, и выпил. Заел черным сухариком, обтер губы и прошептал:

- Может, я не очень хорошо разбираюсь в людях, но кальвадос получился отменный!

Неудачи с внуком не обескуражили старика до предела, как можно было подумать: он всегда падал мягко, как кошка, не разбиваясь.

И вновь готовился к прыжку.

А на другом конце родственной оси шалопай Ваня, несясь на «Шевроле» по городским улицам, полагал, что одержал моральную победу над «предком»:

- Дед спятил! Пусть сам доживает в своем старом тереме, а меня не трогает. Докопался!

Частая ошибка молодости: верить, что можно вечно жить в стране мечтательной лени. Просто, если ты не хочешь наставника, то сама Жизнь станет твоей путеводной звездой, и как шархнет по кумполу, подобрав момент, что вспомнишь и слова бабушки, и уговоры матушки, да поздно будет, ибо прошлое не изменить.

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

В брежневские времена всякое застолье начиналось и заканчивалось тостом: «Всё ничего, но лишь бы не было войны». Народ мирился с бедностью и нищетой, и, конечно, войны не желал. Но тихая, ползучая война шла в умах, душах, семьях. Отец Оли, к примеру, объясняя детям, почему живут бедно, неизменно отвечал: «Пойдёт! Лишь бы не было войны!» У дочери Оли окружающие ненароком отсекали звук «о» и стала она Лялей. Девушкой не отличалась красотой, но имела ряд преимуществ перед холодными и спесивыми красавицами. Густые, волнистые волосы, загадочная полуулыбка, ямочки на свежих щечках. А главное и притягательное – тихий чарующий голос и нежные интонации. Она мало говорила, зато обладала талантом слушать. С ней было приятно молчать. Первая на курсе обзавелась поклонником. Это был студент – физик по прозвищу «Актер». Суетливый и говорливый, он не успевал выплюнуть множество слов, что скопились во рту, и тараторил, захлебываясь. Он был нападающей стороной, и командовал Лялькой, но та терпела, и молча держала оборону. Отношения напоминали небольшие сражения с перевесом то одной, то другой стороны. Главным оружием Ляльки была загадочная улыбка Джоконды.

- Лялька, что ты сегодня ела? Как спала? – домогался Сеня, и, не дожидаясь ответа, - *а пойдём в кино! Или столовую! Или читалку?! Или в парк?*

Ляля шла молча, пряча неизменную улыбку.

По окончании первого курса повез к родителям знакомиться в тьмутаракань, городок Катон.

- *В нашем Катоне сплошная скукота*, - недовольно вещал он дорогой, - *родители всю жизнь работают на мясокомбинате, а колбасы в доме отродясь не было!*

Но Ляле понравился и городок, и родители, и даже отсутствие колбасы.

Так вот дружили до пятого курса. Последнее сражение началось с недовольства Сени платьем. Он считал Ляльку невестой своей, качал права.

- *Купи другое*, - пожала плечами, - *я не против.*

- *Таких денег нет!*

- *Тогда молчи!*

- *Ты мною командуешь*, - затарахтел словами Сеня, - *так ведь? А я, между прочим, надеялся, что командовать буду я!*

- *Нет, никогда*, - категорически заявила девушка.

- *Но почему? Почему?* – Сеня бросился на колени, театрально заламывая руки. – *Вот назло тебе женюсь на твоей подруге, будешь знать!*

- *Женись*, - улыбнулась Ляля, глаза ее ласково блеснули.

- *Лялька, ты заплатишься за мои муки*, - давил Сеня, - *и разрушенные надежды, я ведь пять лет тебя любил! Ты – предательница!*

Ляля выдержала оборону, и Сеня уехал ни с чем.

Вадим, баловень судьбы и красавец, учился вместе с Сеней и тайно влюбился в Ляльку, он воспользовался ситуацией и позвал ее замуж. Та неожиданно быстро согласилась. Потекла мирная, однообразная жизнь. Работа, еда, сон, все как у всех. Никаких эмоций и сражений. Буря пришла, откуда Ляля не ждала:

- *Ты бесплодная дура! Как я мог на тебе жениться!* – бросил как-то Вадим ядовитую стрелу в сердце молодой жены. – *Сколько красавиц вешалось мне на шею, я отметал их, а зря! Бесплодная смоковница!*

- Если я дура, то, значит, и муж мой – тоже автоматически дурак, - выстрелила Лялька картечью. – Можем взять ребенка в Доме малютки, давай?!

- Нет! Никогда! Я не смогу полюбить чужого, - отрезал Вадим. – Я и в своем-то чаде буду сомневаться...

Этот конфликт закончился разрывом. Вадим отступил в тень ее жизни. Ляля не лила слез, не почернела, не истерила, а потихоньку собрала бумаги и удочерила малышку. Работала в детсаде методистом, и имела право одна растить ребенка.

Ниночка оказалась прелестной девчушкой, с кудряшками и точеными чертами лица. Ляля приобрела дачку, чтобы лето проводить на воздухе, среди яблонь и цветов.

Минуло 15 мирных лет.

Война началась с претензии:

- Ты зачем меня удочерила? Ты – приемная тетка!

Ниночка бунтовала, много чего требовала, связалась с уличной шпаной. Бывшая Ляля, а теперь возрастная Оля перешла в оборону, используя педагогическое оружие: наставления, уговоры, примеры. Призвала в союзники дедов с их житейским опытом. Все впустую, осечка.

В 16 лет Ниночка стала наркоманкой. Вместе с сожителем выкрала документы на дачу и дешево продала. Война вступила в опасную стадию – Нина побеждала. Она сменила замок в квартире, из которой давно все ценное вытаскала и продала. На жилплощади поселились наркоманы и не пускали хозяйку. Обращение Оли в милицию результатов не дало, потому что девушка еще несовершеннолетняя, и выселять ее по закону нельзя. Оля потерпела полное поражение. За поддержкой и сочувствием отправилась в Катон, к Сене. Он к этому времени овдовел, проклятый рак съел жену. Жил с сыном. Обрадовался:

- Живи с нами, Ляль! Квартиру ты не вернешь, уйдет туда же, куда ушла и дача. У нас небогато, но жить можно, Лялечка.

Лишь бы не было войны, помнишь?

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Родители – физики нарекли позднего ребенка именем Радий, в просторечии - Радик. Мальчик вырос и окончил школу, как все. До знаний не был особенно жаден и родительница резонно пояснила:

- По нашим с отцом прогнозам, сынок, в науках ты слаб, и идти по этой стезе тебе не советуем. Хорошее образование мы тебе обеспечим, а труд к нему - это твоя проблема. Но, помни, ключ к успеху именно в этом: образование плюс труд! Ученые то нужны, то не нужны, фортуна переменчива. Иди в стоматологи - не прогадаешь. Там работы непочатый край, и конца не видно. Чем дальше живем, тем хуже с зубами, то лечить надо, то протезировать, то рвать.

Сынок послушал и окончил мединститут, а оборудованный кабинет получил, как подарок. Избалованный Радик толком сам не приложил ни к чему усилий; то ли не было морального стимула, то ли не привлекали родительские традиции. Работал через пень – колоду, клиенты обижались, покидая специалиста с ранениями и болью. Заметных дивидендов не наблюдалось. Старые родители спонсировали по привычке, сколь могли, но и они не вечные. Закинув ноги на стол, как уставший ковбой, Радик долго и нутужно размышлял: хорошо бы заиметь молоденькую, глупую, богатую иностранку, чтобы кормила, обеспечивала достойный образ жизни. Он не был завидным женихом: первая супруга прожила с ним 2 года и ушла с ребенком к бывшему, кинув на прощание гадкие слова:

- Ты прожженный лентяй, пустышка и слизняк!

Радик, поморгав невыразительными глазами, как у целлулоидного пупса, и почесав плешь указательным пальцем, проглотил «клевету», пошел в кафе напился как сапожник. Но и это не помогло залечить обиду. Потому что себя он считал другим человеком, почти совершенством, но непонятым. Тогда он решился на новую порцию развлечений - поездку в Турцию. Вытащился из привычной раковины осмотров и копания в затхлых ртах и гнилых зубах ради Анталии, и пляжных красавиц. Смена антуража действительно возымела благотворное влияние на душевное здоровье: неудавшаяся семейная жизнь забылась, а Радик незаметно присосался к двум девушкам, как – то подсевшим к нему за ресторанный столик.

Жанна, по паспорту Женя, русская иностранка, а ее подруга – москвичка. Для Радика, наконец, открылось окно возможностей: молодая, богатая, иностранка! Он активно приударил за ней, а подруга только ехидно улыбалась:

- Радик, ты не герой ее романа! Ты вообще похож то ли на сутенера, то ли альфонса! Ха-ха-ха! – смеялась она.

Радик терялся, даже смущался немного, понимая смысл этих обидных слов: да – да, он не рассчитывался за девчат в ресторанах, это делала сама Жанна, но ведь не обеднеет же?!

Втроем вернулись в Москву. Радик нехотя пригласил подруг к себе, не ожидая, что девушки согласятся, но они согласились, полагая, что попадут в профессорскую квартиру. Однако очутились в тесной однушке, завешанной паутиной с мертвыми мухами, горой грязной посуды, и невымытыми полами. Кое – что Радик убрал, стыдливо закидав тряпками, кое- что задвинул под столы и диванчик. Жанна брезгливо надула губки, но по приезде в Штаты поддерживала переписку. И даже пригласила к себе.

Флорида поразила воображение, а от Жениной квартиры просто «снесло крышу». Но Радик по привычке просто лежал на диване, либо уходил на пляж. У Жанны складывалось неоднозначное мнение об ухажере: «Это прирожденный бездельник или просто не нашедший себя в этом мире несчастный человек?» Она поставила условие, что будет продолжать отношения, если он купит приличное авто и хорошую квартиру:

- Знаешь, дорогой, как удобно жить на две страны?!

Радика разбирали сомнения: что делать? Квартиру продавать опасно, окажешься под кустом... И продал свой кабинет, работа стоматолога все – равно не прельщала. Видимо, родители ошиблись в нем! На иномарку не хватило средств, купил «Приору».

Еще раз слетал в Штаты, похоронил родителей. Остался без денег. Как на грех, ураганом свалило дерево и уронило его на машину. Выплатили страховку. Закончилась и она. Перешел жить на дачу друга, а свою квартирешку сдал в аренду. Жить стало скучно и неинтересно. Жанна замуж не хотела, сколько он не намекал. Изредка пересекался с ее подругой. И однажды она поведала:

- Жанна - закоренелая лудоманка. Она проиграла все имущество, сначала на автоматах, потом в казино Лас – Вегаса. Что даром пришло, то так же ушло. Она неудачница, играть ей не следовало. Но она и не свое проигрывала, правда, а имущество мужа. Зря я тебе об этом еще в Турции не рассказала, думала, она опомнится и бросит это дело. Но, увь!

Не успел Радик переварить неприятную информацию, - звонок от Жанны.

- Дорогой, я решила вернуться в Москву, мне осточертела американская жизнь, будем жить вместе.

- Приезжай, я пока без работы, но что-нибудь вдвоем замутим, Жануль.

Радик выгнал арендаторов, с трудом устроился охранником на почту, встретил подругу. Теперь она лежала днями в его квартирке на диване, и дымила в потолок, рассматривая паутину. Паутина смотрела на нее.

Окно возможностей для обоих захлопнулось навсегда.

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Невзрачный мужичок нервно курил, прислонившись к стенке аэровокзала.

- *Можно прикурить?* – обратился незнакомец.

- *Да, да, конечно!*

Прикурив, тот не отходил: «Вы, наверное, северянин? Куда летите – то, может, попугчик?»

- *Пока никуда, думаю, - мужичок сморщился.*

- *Неприятности?*

- *Вроде того. Приехал дочку Стеллу повидать, но бывшая жена, змеюка редкостная, даже на порог непустила....*

- *Бывает, друг! Не переживай! Дочка, верно, взрослая? А почему Стелла? Впервые слышу такое имя.*

- *Стелла – значит «Звезда». Она моя единственная любимая звездочка. Я увлекаюсь астрономией и НЛО.*

Объявили посадку и любопытный незнакомец убежал.

Стелла, или, по-домашнему, Элла, внешне - так себе, полукровка с башкирскими корнями, а внутренне - сложный сплав ума, хитрости, сребролюбия, воли и коварства. Мать с детства впихивала в подсознание ребенка мысль, что «деньги и богатство – это ВСЁ, а люди - так, пыль под ногами. Души их, топчи, предавай, но иди к своей цели уверенно!»

Эля, как и мать, стала аптекарем. Училась далековато, замуж вышла глуповато, но по молодости большинство из нас вляпывается в гормональную трясиину, из которой выскакивает, лишь изрядно испачкавшись. Бесконтрольная девушка поймалась на имя Александр, - нравилось ей это имя. Саша оказался добрым, но безвольным. Залюбили его, единственного сына и единственного внука, не дали сформироваться крепкому мужскому стержню. Мать Саши, впридачу, ревновала сына к снохе и потихоньку, иезуитски, гнобила. Стремясь к материальному благополучию, Элла работала за двоих, того же требовала от мужа – шофера. Он поначалу бомбил на собственной машине, потом пересел на грузовик. Но денег все – равно не хватало. Хотелось хорошую мебель, бытовую технику, модную одежду, вкусную еду, тонкие перчатки со стразами, да всего, в общем - то, хотелось. Так вот в этой призрачной борьбе за богатство утекло 20 лет. Сын Саша учился в Москве, у мужа Саши выпали все зубы, а на свекровь у Эли развилась стойкая аллергия. Мать Эли добавляла перцу:

- *Что ты живешь, Стелла, с этим неудачником? От него даже зубы сбежали, бросай его и переезжай к нам. Здесь курортная зона, ты за сезон заработаешь целое состояние.*

Элла тайком, с одним чемоданчиком, уехала к матери, за новой жизнью и лучшими перспективами. Как не любил Сашок мать, но жена все же дороже, поехал вслед за беглянкой в тещин дом. Сын, тоже Сашка, поступок матери не одобрил, и порвал на время отношения. Элла уговорила на время перевезти всё нажитое добро и устроиться на работу. Саша так и сделал, но теперь попал в клещи жестокой тещи. Та много чего требовала: денег, работы на огороде, ремонта дома, внимания, и т.д. Но зять умел водить лишь автомобиль, и ничего более. Теперь он нервно курил и искал выход, мать настойчиво звала вернуться:

- *Кому ты там сдался!* – кричала телефонная трубка, - *тебя же слопают живьем!*

Сын послушал: тайком, сгорая от стыда, отбыл ночью, пока все спали.

«*Ах, так? Хорошо!*» - подумала в сердцах Эля и экстренно развелась.

- *Я-то найду замену своему беззубому, - сказала матери уверенно, - а вот он пусть попробует подыскать такую дуру, как я!*

Она оформила кредит на однушку без отделки, собираясь сделать из нее «ателье», и сдавать в аренду. Активно наезжала в город, где завелись подружки, и вместе они бродили по кафешкам в поисках одиноких принцев. В одном из них познакомилась с brutальным военным

в отставке. Закрутился роман. Артур имел красивую иномарку, загородный дом, автосервис во владении, и приличную базу знаний. Если не считать последнего в этой линейке бессмысленного актива, то мужчина был богатым, и

- ... пусть Сашка ссыт кипятком теперь от зависти, - сказала Эля матери довольно. А партнеру сообщила, что

- ... нам пора в ЗАГС, дорогой!

- Это еще зачем? Нам детей не рожать.

- А кто собирается-то? Поживем для себя, обустроимся и махнем в Европу, - мотнула головой Эля, жмурясь, как сытая кошка. – Вон, мой сын Сашка уже всю катается по Нидерландам, хотя ни гроша в кармане, чем мы хуже?

Зарегистрировались. Продали, с подачи Эллы, все имущество Артура, взамен купили новую крутую иномарку, и трешку в элитном доме. Элька перестала замечать знакомых, не здоровалась с крестной, фыркала на мать.

- Она теперь богатая у меня, не чета всяким гопникам, - хвалилась мамаша с гордостью, хотя полчаса назад отхватила от дерзкой доченьки по уху, - вот что значит воспитание! Выбрала правильный курс моя звездочка, талантище мое, моя стрекозуленька!

Эле страшно хотелось показаться на родине нового мужа, показаться отцу его и братьям: «Пусть восхитятся новой женой Артура, не молодухой, но зрелой умницей – красавицей, яркой и самодостаточной! – думала». Супруг не хотел, отнекивался, читал нравоучения, и что-то бубнил об опасности, но Эля давила:

- Ну, почему, мой милый? Почему?

Настояла.

- Я им очень понравилась, всей родне и друзьям детства, особенно отцу! - хвалилась подругам.

А на другом конце страны расстроенный отец печалился сынам об Артуре:

- Серпентологом, что ли, Артик захотел стать? Женился на змее, да еще и притащил ее к нам. Сбрендил на старости лет, видимо. Эх, годы – годы...

Через месяц – другой в новой квартире пары появились строгие мужчины в черных костюмах и потребовали долги.

- Мы тебя долго искали, Арт, - медленно выдавил старший, буравя вспотевшего молодожена черными глазами, - хорошо, что ты засветился на родине в последний приезд. От нас не скроешься, змееголов ползучий! Да?! На счетчик ставим! Оревуар, скотина!

Артур почернел. Продал все, что имел, и взял кредит, чтобы оплатить счетчик. Элю уволили за антизаконную продажу препаратов и обсчет клиентов. Они снова переехали к матери женщины, по утрам тряслись в переполненных маршрутках. Часто ссорились.

Наступила точка невозврата, но обе женщины, и мать, и дочь, не хотели ее принимать. Вечерами они сидели на кухне, и шептались про «богатого жениха – дедушку», про «оброненный кем – то клад», про «будет и на нашей улице праздник», и о том, что «вокруг полно вариантов!»

- Будет, будет еще денежка у тебя, - шелестела мать, наглаживая руку дочери, - ты принцесса у меня и умница! И потом - жизнь после 56 только начинается! Ты еще удивишь планету!

СОНЕЧКА

Гречанка Сонечка училась в Питере. Уже перешагнула на пятый курс, а рядом – никого! Все девчонки – сокурсницы нянчили ребятишек, а у нее никаких намеков на личную жизнь. Она грешила на свою внешность, не замечая достоинств: богатых волнистых волос,

бархатных глаз, нежных рук. Фигура? Да, крупная: размер бюстгальтера номер 10. *«Но и таких девчонок любят!»* - утешали подружки. – *Ты такая женственная и во всем остальном – отличная!»*

Сонечке плохо верилось, что «таких» любят. Знакомство с Георгием случилось нечаянно. В аэропорту, при сдаче багажа, мужчина, стоявший позади, обратился к ней:

- *Девушка, посмотрите за чемоданами, мне срочный звонок.* – И отошел.

А в самолете их места оказались рядом. Это что, судьба? Или случайность? Но, как известно, у Господа нет случайностей.

- *Мы почти знакомы, как вас зовут?*

- *Софья, а вас?*

- *Я – Георгий, живу в Краснодаре.*

- *Я тоже из Краснодара! Учусь в Питере.*

Они проговорили весь рейс, а дальше опять-таки добирались вместе, на машине отца Софии. Софью с детства любили все, потому звали уменьшительно – ласкательно: Сонечка, сестричка, зайка, подруженька и т.д.

- *Что это за мужик, доченька?* – грозно спросил отец.

- *Не мужик, а парень, отец, зовут его Георгий. Также грек.*

- *Какой-то невзрачный грек, не Аполлон: невысокий, в усах. Еще и заносчивый он, доченька, при своих скудных данных.*

- *С лица воду не пить, папуль. Будущий финансист.*

- *Могла бы и представительнее выбрать, Питер большой,* - не унимался отец, считая дочь красавицей писаной. – *Я планировал тебя после диплома отправить в Грецию, уж там-то, точно нашла себе жениха достойного.*

- *Папа, успокойся! Георгий не делал мне предложения, мы познакомились только на аэровокзале.*

Но вечером Сонечка улизнула на свидание. Роман с Георгием завязался, развязка закончилась свадьбой. Молодые поселились в доме мужа, вместе с его родителями. Свекор был тишайший, а свекровь – еще та штучка. Вскоре Георгий основал фирму, а Сонечка работала неподалеку от дома сестрой – хозяйкой в пансионате, ждала ребенка. Большую часть времени ухаживала за стариками, вела дом. Свекор тихо жил, тихо умер. Свекровь долго болела, изматывая нервы снохе. Уже обе дочери вышли замуж, подрастал сын Константин, названный в честь деда. Незадолго до кончины свекровь заявила домашним:

- *Лучшей снохи и не надо: Сонечка не человек, а чудо!* – После чего умерла.

Георгий был очень привязан к матери, любил ее и остро переживал кончину. Но радость оставалась: есть сын – наследник. Старый родительский домик Георгий перестроил в настоящий терем, соседям на зависть. Но те же завистливые соседки не давали покоя Соне:

- *Видели на днях твоего Георгия с бабой! Белобрысая такая!*

Или:

- *Марийка обслуживала твоего в кафешке с девицей, такая фифа: шпильки 12 см, красный рот и блузка без лифчика!*

Ну, и волна советов, конечно, вслед разведанным:

- *Сонька, Георгий тебе изменяет напрадалую, уходи от него!*

- *Куда? Зачем?* – отбивалась женщина, - *он ночует дома, деньги приносит...*

- *Дура ты, Сонечка! Он предатель, крутит с другими! У него на стороне дочка есть, а ты молчишь. Ты же знаешь про это?*

- *Знаю. Но я его люблю, поэтому прощаю.*

- *Ты что, святая?*

Приехала тетка из Греции, навезла подарков и в присутствии гостя, Сонечка вручила большущий пакет мужу:

- *Дорогой, у тебя, я слышала, дочка растет на стороне, вот, я собрала ей новые вещи. И те, что привезла тетя, тоже отдай от нас.*

Георгий не отказался, забрал пакет и ушел.

- *Ты умничка, Сонечка, на такой поступок я бы никогда не решилась. Неужели не ревнуешь?*

- *Ревную, тетя, ревную, плачу, переживаю. Но это все грех. Борюсь с собой. Георгий дан мне Богом, и Господь проверяет: сломаюсь или нет, понимаешь?*

- *Гоша неверующий, что от него хочешь? Не поймет.*

- *Я буду с ним, что бы ни случилось!*

Внезапно заболел сын. Окончил первый курс университета, встретился с друзьями в кафе, а вернулся домой совсем другой: с пустыми глазами и головной болью. Как подменили парня. Отец подумал, что наркотика хлебнул. Оказалось – нет! Красивый юноша заболел непонятной психической болезнью, грозившей то ли помешательством, то ли смертью. Попал в психлечебницу, конечно. Родители глубоко опечалились.

- *Сонечка!* - поразмыслив, сказал как-то Георгий, - *сын моя вина, я погуливал, а ты терпела, вот и результат. Пойдем, обвенчаемся.*

- *Георгий, нам надо покаяться и переменить жизнь так, чтобы она была угодна Богу. Ты согласен? Тогда и ребенок наш поправится.*

- *Да, - муж махнул головой, - я виноват. Ты поможешь мне? Я хочу примириться с Богом.*

Георгий пошел в Церковь, и впервые поглядел в глаза Спасителю.

Сын поправился уже через год, что ввело врачей в ступор: «такого не бывает!» Но до конца своей жизни - Георгий знал это точно, - он будет виновато всматриваться в свою местами порочную жизнь, - понимая, что чуть не потерял любимого сына.

Берегите друг друга, люди!

ВЕЗЕНИЕ

Александр родился в семье сельских интеллигентов: отец – директор школы, а мать – заведующая клубом. Мальчик рос болезненным ребенком и заговорил понемногу только в три года. Любящие родители с пеленок называли чадо Александром, полным именем, а никаким не Шунечкой, к примеру, потому что кумиром отца был Македонский. На вопрос, «как тебя зовут?» малыш отвечал тихо: «Асранда»; сложное имя поначалу выговорить не мог. Так и прилипла к нему кличка. Даже учителя частенько ошибались. В 4-ом классе появилась новая ученица по фамилии Варавина. Внешне - обыкновенная девочка с косичками, а по натуре и поведению – хулиганистый мальчик. Ей присвоили прозвище «Варавва». Вот она-то и стала злым гением для Александра. Мало того, что придумывала оскорбительные рифмы, типа: «Асранда – Засранда», но и ежедневно терроризировала: подставляла ножку - мальчик падал, сталкивала в лужи и хохотала, колола циркулем, строила рожицы, когда Саша отвечал, - все смеялись над ним, - прикрепляла на спину записки, например, расхожую: «У кого нет коня – тот садись на меня!», и многое другое. Почему она его невзлюбила – никто не знал. Нежный мальчик переживал, замыкался, не хотел ходить в школу. Родители решились переговорить с матерью «выродка», но та ядовито ответила на замечания:

- *Знаете, я была точно такой же, как и дочь, она в меня пошла, - и ничего! Выросла, образумилась, никто от моих шалостей не умер. Зато Валька умеет постоять за себя, и держит детвору в тонусе. Развели мне тут слюнтяйство, тоже мне!*

- *Мама, - сказал дома Александр, - я хочу ее убить.*

- Ты что, сынок! Убери эти мысли насовсем, мы подыщем более подходящее место и переедем, обещаю.

7-ой класс для Александра начался в новой городской школе, где его никто не знал и не обзывал. Он повеселел, поздоровел и окончил школу с медалью. По окончании ВУЗа осел в Тобольске и работал над диссертацией. Девушек сторонился, так как не заживала детская травма, нанесенная девчонкой-хулиганкой. Однажды, прекрасным осенним днем неспешно отправился в библиотеку, разглядывая по сторонам всякие мелочи: серых воробушков, купола храмов, облака, архитектуру, как вдруг его кто-то громко окликнул:

- Асранда! Привет! Вот так встреча!

Он остановился, почувствовав боль, будто огрели плетью.

- Это вы, Варавва?

- Меня Валентиной зовут, если что, - бойко парировала девушка, - и не надо мне «выкаты», земляк!

- А я – Александр, и не надо меня называть детским прозвищем.

- Не смеши, я же любя, от радости, все-таки вместе учились, в одном классе. А ты, Александр, мало изменился: все такой же красавец, узнаваемый... Куда путь держишь?

- В библиотеку.

- Надо же, как совпало, и я иду в том же направлении; удивительно, да? И еще: как двум землякам удалось встретиться в таком большом городе?

- Ты-то как здесь оказалась? Я, к примеру, по распределению.

- Муж у меня был, нефтяник, но разошлись, характеры разные. Теперь одна, командую бригадой строителей. Заметь - лучшей бригадой в городе! Боятся меня, но и уважают, не без того!

- Охотно верю, - печально сказал Александр, незаметно вздрогнув.

- Очень рада нашей встрече, но телефончик дай на всякий случай, мало ли что...

Чтобы справиться с чувствами и скорее отвязаться, номер продиктовал без утайки.

- Не скучай, Сашенька, - весело крикнула Варавва, - держи нос по ветру, я скоро проявлюсь! И позвоню!

Александр тяжело вздохнул – закончилась спокойная жизнь, это точно. Заныл бок, в который когда-то бандитка засунула циркуль, затосковала от страха душа.

И утром, и вечером теперь шли звонки от неугомонной Валентины. А с ними и всякие предложения: сходить в кино, на танцы, на выставку, в кафе. Отказываться не решался, боялся. В межсезонье распространился грипп, Александр заболел. Валентина примчалась немедленно, навела чистоту в квартире, наварила еды, накупила лекарств и стала выхаживать больного, как сиделка. Попутно развлекала и отвлекала разговорами о своей работе, о тех, с кем училась, и кто кем стал. Выразительно смеялась, подбадривала, и, наконец, предложила:

- Александр, давай поженимся! Я все обмозговала: квартиры наши обменяем на трешку, согласен? У тебя появится свой кабинет, представляешь?! Мои ребята сделают обалденный ремонт. Все заботы я возьму на себя, а ты занимайся спокойно наукой... Заживем!

Александр, как всегда, промолчал.

- Ага! – Торжествующе вскрикнула Валя, - молчание – знак согласия, верно?

В очередном телефонном разговоре с матерью Саша сообщил:

- Мам, я женился! Никогда не догадаешься на ком! Помнишь ту садистку, что мучила меня в школе, Варавву? Это были веселые денечки, я чуть не сошел с ума. Вот на ней, мам, я почему-то женился. Она оказалась очень хорошей, и я до сих пор жив! Весёлая, хозяйственная, активная, прямо огонь! Теперь у нас новая квартира, ковры на полах, у меня свой кабинет с портъерами и бронзовой совой на столе. А

мучила меня в школе, представляешь, потому что полюбила и хотела обратить на себя внимание. Я счастлив, мама! Мне крепко повезло, я живу, как у Бога за пазухой!

- Ты всегда был везунчиком, - согласилась мать, которая повидала в жизни всякого, - передавай привет Вале и береги её, потому что к везению обязательно должна прилагаться любовь!

РИММА

По широким коридорам школы, стуча каблучками и задрав носик, неслась, как ураган, Римма, завуч. Голубые глаза задорно блестели, ямочки на тугих щеках молодо улыбались. Женский коллектив школы насчитывал 39 голов, включая технический персонал, а мужчина был один – математик Клёпа, по фамилии Клёпин. Длинный и сухой, как оглобля, он напоминал математическую формулу, причём сложную. Это был скучный человек, с которым не церемонились даже одинокие учительницы. Римма же утверждала, что её древние корни - римские императоры, и следы этого родства отобразились в её имени. Она важничала, задирала нос, но с ней дружили все: коллеги, которые тайно ей завидовали, и женское начальство небольшого городка. Знали, что детей нет, а мужа мало кто видел. Как-то в столовой, чтобы уколоть, злющая мужиковатая физичка спросила:

- Римма, ты кормишь своего мужа хотя бы изредка? Он какой-то сухонький, как петух. Чахоточный, что ли? А?

- Хороший петух – худой петух, так говорят в народе! – бросила резко Римма и ушла.

– Если помрёт, - подключилась одинокая биологиня, - от голода, - то Римма, с её данными и происхождением от Ромула и Рэма не останется одна, не то, что ты, дорогая! У тебя и заморыша нет!

С началом нового учебного года появилась новенькая: англичанка. Ладненькая, чистенькая, но в очках с сильной диоптрией, и дети немедленно дали ей прозвище: «Рыба». Римма, не медля, взяла под опеку «Рыбу», устроила на квартиру, так как знала всех и вся. Через год муж Риммы действительно умер, похоронили его тихо. Римма поселила «Рыбу» - Евгению у себя в «двушке». А чтобы пресечь сплетни на корню, сообщила коллегам:

- Мне одной дико, порой страшно и одиноко, а так – живой человек, комната ей, комната – мне, и вместе веселее.

Прошел ещё год, школьная сторожиха уволилась нянчить внуков. На ее место пришел молодой парень с лицом царя Давида. Римма, у которой шансов было больше, и другие потенциальные школьные невесты пытались заинтересовать Стасика, но он оставался угрюмым и равнодушным, более того – ни с кем принципиально не здоровался. Через полгода открылась тайна – Стас был наркоманом, и был уволен без выходного пособия. Не успели перемыть косточки сторожу, как появился учитель физкультуры – отставной офицер гренадерского роста с профилем Александра I, со странным для того времени именем Родион. Римма, согласно должности, встретилась с ним первой. Не скрывая восхищения, в восторге, брякнула ерунду:

- Ой! Родион! Раскольников!

- Нет, я – Ильин, - без тени юмора поправил офицер.

- Вы прямо-таки клон Раскольникова! – понесло не в ту степь Римму, и она рванула в коллектив делиться впечатлениями.

Ильин произвел в женском обществе фурор, сопоставимый с взрывом ядерной бомбы. Началось неприличное соперничество: учительницы пошли во все тяжкие. Они внешне все преобразились, накрасили в первый раз брови и ресницы, понаделали сложных завивок,

на усталые ноги водрузили каблуки. Старались понравиться холостяку. Но жесткую конкуренцию выдержала только Римма: она была хороша без сложных ухищрений. Особенно неистовствовала физичка, забывшая на время о законе Бойля-Мариотта:

- *Да она просто его любовница, наша завуч!*

Сплетни дошли до ушей Риммы:

- *Не любовник он мне, а законный муж!* – и показала паспорт со штампом ЗАГСа.

- *Вот же, какая вертихвостка, тайно зарегистрировалась, и никому ни слова. Чистая пройдоха! Калигула отдыхает!* – подвела итог пожилая «русичка», поправляя кокетливый завиток на виске.

Стали ждать, когда Римма уйдет в декрет и освободит хлебное место. Но время шло, и никаких перемен.

Неугомонная физичка, снедаемая завистью, приставала с расспросами:

- *Римма, ты замужем, а почему с вами живет Женька? Вы что, обе ему жёны?*

- *А вам-то что? Какое ваше, извини, собачье дело до чужой жизни? В своей разбирайтесь!*

Начались летние отпуска, а поздним июльским вечером звонок «сверху»: немедленно выехать на месячные курсы повышения квалификации.

Рано утром Римма побросала в сумку вещички и второпях написала записку: «*Женька! Готовь еду и корми Родиона*». Во дворе ждала машина. Через месяц вернулась домой, посвежевшая и радостная. Дома был один Родя, убирался. Он тоже обрадовался, обнял жену:

- *Как же я скучал по тебе, любимая моя!*

Пужинали.

- *Дорогая!* – смущаясь, - *у меня к тебе сюрприз, не знаю даже, как отнесёшься, но не руби с плеча, выслушай и пойми. Мне 42 года, детей, как я понял, у нас с тобой не будет. А я хочу ребенка. Договорился с Женей, она тайно родит нам. Не за так, а за доллары, я накопил кое-что на службе за границей. Женька хочет уехать в Штаты вылечить глаза, там и останется. Все будет шито-крыто.*

Едва сдерживая слезы, чтобы не заплакать, Римма хрипло спросила:

- *Она что, уже забеременела?*

- *Да, но это не по любви, а по договору... Ты не переживай только, все будет хорошо.*

- *Что же, переживу, раз дело сделано, буду носить накладной живот.*

В сентябре Родион увез Женю в деревню, к своим родителям на свежий воздух и натуральные продукты. Там она и родила девочку. Родион забрал малышку и спустя время отвез Евгению на вокзал. Девочку назвали Николь в честь Николы Чудотворца. Пробивная Римма добыла медицинское заключение о родах, а приятельница в ЗАГСе выписала свидетельство о рождении ребенка. Теперь, когда Римма гоняла по школьным коридорам, задрав носик, глаза ее особенно радостно блестели: а что? Замужняя женщина, счастливая мать.

- *Разродилась как-то, надо же!* - фыркала неугомонная физичка в тишину, но ее уже никто не поддерживал.

Мать - это святое...

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

Бабаян и Бабошины жили рядом и дружили домами. У Бабошиных долго не было детей, в то время как у Бабаян подрастали два сына: Микаэл и Грегор, в быту – Мишка и Гришка. Наконец и у соседей родилась дочка, то ли по молитвам, то ли потому, что взяли прежде мальчугана из роддома. Девочку назвали Викторией, что означает «Победа».

- *Вот нашему Микаэлу и невеста народилась!* – обрадовалась Катя Бабаян.

Над ней только посмеялись.

На беду развалился Союз, обрушилась привычная жизнь, пришлось перебираться из азиатской республики в село близ Сочи. Бабошины купили готовый дом, а Бабаянчики решили построить свой на другом конце села.

Теперь общались редко. Бабаяниха сетовала по этому поводу: *«Конечно, теперь у нас новые соседи, друг про дружку совсем позабыли!»*.

Вика пошла в школу и сдружилась с красавцем и умницей Артёмом, жившим неподалеку. Шло неумолимое время – Вика выросла в рослую девицу. С лицом заурядным, но с покладистым характером и неотразимым женским обаянием. Старшеклассники наперебой ухаживали за ней. Между тем, Мишка под разными предложениями навещался к Бабошиным. Он был старше Вики пятью годами, небольшого роста, с доминирующим носом и маленькими злыми глазками. Облик довершали нависшие брови и волосатая шея. Характерец тоже под стать гремучей змеи. Очень любил драться и стал боксером.

Подоспел выпускной, а через неделю – день рождения Вики, 17 лет. На этот же день назначили помолвку Вики и Артема.

- *Так- то будет лихо: за один день отметим сразу три события!* – рассудили родители.

- *Ты только своего носатого друга не приглашай,* - попросил Артём Вику, ревнуя.

Но случился казус: Вика с выпускного вечера не вернулась. Опросили одноклассников, и выяснилось, что многие видели, как какой-то чернявый парень затащил девицу в машину. Артем побежал к Бабаянам, но Мишки дома не оказалось, вместе с машиной отца. Вот это да!

- *Подумаешь, разволновались,* - спокойно сообщила Катя, спиной к плите, - *вы же знаете наш обычай красть невесту!*

Действительно, Мишка привез невесту через три дня. Артем слезно, вместе со своими родителями, умолял Викторину выйти за него замуж, но та твердило грустно:

- *Нет, нет и нет! Я уже не чистая, я уже жена Миши!*

Артем подрался с Мишкой, тот разукрасил парня отменными синяками, милиция отвезла буяна на 15 суток, после чего в селе началась негласная война между армянской и русской молодежью. Желая обезопасить родителей, вновь сформировавшаяся парочка рванула в Сочи. Там они сняли ветхую избушку:

- Ничего, Викуля, не переживай, еще разбогатеет и все у нас будет, руки и головы на месте!

Для начала занялись ракушками от рапанов, их неплохо покупали отдыхающие. Со временем Мишка ракушечью работу переложил на жену, а сам устроился барменом, позже стал совладельцем кафешки. Деньги на хозяйство не давал, копил на машину.

Вика родила девочку, не переставая мыть, скоблить ракушки, научилась клеить из них композиции, подкрашивая маникюрным лаком. Мишка же толстел, наглед, стал владельцем кафе и царем дома. На месте ветхой избушки появился дом с магазинчиком. Теперь это был Микаэл Давидович, дома появлялся либо с друзьями, либо с подружками.

- *А ну-ка, жена, мечи на стол!* – командовал. – *За медлительность, смотри, оштрафую!* – и грозно шевелил лохматыми бровями.

Пили, играли в нарды, затем разъезжались на своих иномарках под утро, оставляя хозяйке гору грязной посуды и пепельницы, набитые бычками. Но Вика ссор не устраивала, улыбалась вымученно, терпела. Дом и ракушки, и больше ничего!

- *Ну ты, рабыня Изаура, когда родишь мне наследника?* – и как-то отвесил Вике мощную оплеуху. – Женщина заплакала.

- *Богатые тоже плачут, да? Ха-ха-ха!* – развеселился Микаэл, одевая новый костюм и лаковые туфли.

Дочка росла бойкой, увлеклась спортом, и её за успехи взяли в интернат олимпийского резерва.

Родился мальчик Рудольф. Все ехало и катилось по-старому. Вика уставала, не успевала обрабатывать треклятые ракушки.

- От тебя несет рыбой за километр, - хмурил нос муж, - *провоняла ракушками, пахнешь помойкой*, - и награждал тумачами, - *не люблю я тебя, это мать меня заставила жениться на такой дурынде*.

Рудольфу исполнилось три годика. После очередной придирки, замазав вновь приобретенные синяки, Вика тайком уехала к родителям. Вечером у калитки встретила Артёма. Тот едва узнал бывшую свою невесту: застиранное старое платье, блеклые волосы, потухшие глаза, огрубевшие руки.

- *Это ты, Вика? Что с тобой? Болеешь?*

- *Нет, Артём, все хорошо...*

- *Давай поговорим начистоту*, - не поверил Артём, - *вижу, что ничего у тебя хорошего нет. Вижу, что плохо тебе. Давай, я увезу тебя?*

- *Ты что? Не выдумывай. У меня муж, двое детей. Миша найдет нас и убьет!*

- *У меня охрана*, - сказал твердо Артем, глядя в глаза Виктории, - *и свои юристы. Я все оформлю. Я годы ждал тебя, так и не женился. Окончил ВУЗ, основал фирму, стажировался за границей. Ты мне нужна, слышишь? Я люблю тебя. Я приехал дом продать родительский, а тут ты.*

Это судьба, как считаешь?

В кротких глазах Вики наконец мелькнуло понимание: отодвинулся вдаль ее беспутный грубый муж, ее безрадостная жизнь, дом, полный хохочущих бездельников... Она наклонила голову, вглядываясь в море, затем подняла её и кивнула.

ХРАБРЫЙ ИНДЕЕЦ ОРЛИНОЕ ОБЛАКО

Комендантша рабочего общежития Августа Петровна была дамой бальзаковского возраста, этакой кокетливой особой. «Особой» не в смысле личности, а «особенной», не такой, как все, по ее мнению. Мнила себя великой начальницей, ибо в её распоряжении находились: кастелянша Паша, уборщицы, электрик, истопник и слесарь Матвей, то есть Мотя. Мотя был «занозой» её сердца. По всем признакам даун, но профессор унитазов и кранов. Он храбро бросался на всякие протечки и не боялся вымазаться о непонятные субстанции. Был безотказным и работающим.

Матвей ребенком воспитывался исключительно в обществе книг об индейцах, знал названия всех племён, заслуги выдающихся вождей, и мечтал, когда подрастет, жениться на индейской принцессе с косами, пока его мамаша развлекалась с мужчинами, почти забыв про сына. Матвей считал себя реинкарнацией вождя Макалавимешекака, но только никому не говорил об этом, боялся, что засмеют. Поэтому придумал себе более скромное имя - Орлиное облако - и даже сделал себе лук из гибкой ветки и резинки от мамкиных трусов. В школе учился неважно, оживлялся только на уроках истории, где речь шла об освоении американских земель. По причине небольшого интеллекта со скромным диагнозом «дурак» был от армии освобожден, но смог выучиться на слесаря, и вот теперь обретался в общежитии и пользовался большим успехом у уборщиц, но вот чай пил исключительно в кабинете Августы Петровны. Этот «кабинет» был одновременно складом тряпок, ведер, швабр и прочей дребедени. А его украшением служил списанный сейф, в котором ничего не было, кроме пыли и бутылки дешевого коньяка. Иногда начальница играла в популизм и снисходила к своим «придворным», усаживаясь с ними за ободранный стол о трёх ногах, вместо четвертой стоял ящик.

Языкастая Паша, по паспорту Павлина, доставала советами и вопросами. Она имела виды на неженатого Мотю и совершенно не боялась начальницы:

- Вы, Петровна, так оголяетесь, что ваши волосатые руки бросаются в глаза. Вам надо обмотаться тряпками, как арабки делают, чтобы только уши торчали и язык: приказы нам отдавать и слушать отчеты!

- Никуда они не бросаются, Пашенька, - парировала Петровна, - они при мне, и говорят о моей сексуальности и женственности!

- Тьфу! Их надо опалить на газу, ваши волосы, или нарвать, как траву, забить трубку мира и выкурить с нашим Орлиным облаком, ему понравится.

Зашел индеец Матвей, и обе дамы, кося глазками в его сторону, продолжили:

- Вы, Петровна, - заводясь, продолжила Паша, - метр с кепкой, и ножки у вас короткие, а на слесарей поглядываете, а годы! Годы не те!

- Маленькие женищины для любви, а большие – для работы, - не моргнув глазом на оскорбления, возразила Августа. - На меня мужики так и таращатся, устала отбиваться.

- Да? То-то я гляжу, все ходят с вывернутыми шеями! – и Павлина засмеялась.

- Дура ты, Пашка, а это навсегда.

Начальница все-таки раздражалась и уходила. Но на майские праздники Августа преобразилась: покрасила жиденькие, короткие волосики, сделала завивку, купила майку без рукавов, выставив мощный торс, и задумалась насчет волосатых рук. «Обрить, что ли, как ноги, или нет? А вдруг отрастут еще толще и грубее, будут на руках колючие щетки? Может, и правда, опалить, как палят кур? Может, права вредина Пашка?»

Процесс «опаления» как-то не пошел, появились ранки, пришлось забинтовать руки по локоть. Сидела в кабинете грустная, - до Брижит Бардо далеко, - и позвала Мотю:

- Орлиное облако, подь сюды! Давай, дернем по коньячку!

Тот прибежал:

- Петровна, а что с руками?

- Заживут, ничего страшного, а выпить хочется, потому что руки-то болят!

Выпили и закусили, килькой и редиской, вроде, полегчало.

- Орлиный коготь, приходи завтра ко мне вечером, унитаз засорился.

- Что вы с ним делаете? – удивился славный потомок ирокезов, - три дня назад чинил. Кирпичами оправляете, что ли? Ну, хорошо, приду.

Пришел. Унитаз оказался в норме, а его хозяйка возлежала на диване, наглаживая собачку Кузю, которая крутилась, повизгивала и лизала ноги своей царицы.

- Давай, дёрнем коньячку, - предложила Августа, - как, твои индейцы не против?

Выпили. Потом перешли на пиво с рыбкай. Стемнело.

- Ты оставайся, места много, Крепкий Томогавк, - хрипло предложила Августа, указывая забинтованной рукой на диван, - а я – к себе пойду.

- но не дошла, оказались в одной постели.

Утром смущенный Мотя, которому, между прочим, больше нравилась смелая и молодая Павлина, спрятал маленькие глазки от стыда:

- Спасибо, я пошел!

- Вечером-то опять заходи! – крикнула вдогонку счастливая Августа, - я шашлык приготовлю!

Об этом визите узнала Паша, которой Матвей нечаянно проговорился, и сказала:

- Сегодня ко мне прошу, приглашаю тебя на ужин, у меня День рождения.

Мотя пообещал, но крепко задумался: а куда же выгоднее пойти? Мыслить логически он не мог, про любовные треугольники ничего не знал, да и вообще, всякие раздумья давались ему нелегко: *«Петровна все-таки начальница, у нее хорошая квартира, собачка лохматая, коньяк есть всегда, и кудряшки с ушей свисают. А Паша? Простая кастелянша. Втихую ворует постельное белье, мыло и нашатырь. Водку пьет. Разве это принцесса? Нет».*

Опасно ссориться с этими дамами, или подерутся, или его побьют. И решил: пригласить Петровну от себя к Паше.

- Пойдем, милоч, пойдем, - неожиданно согласилась начальница, *- правда, день рождения у Пашки выдуманный, уж я-то знаю!*

Именинница сильно удивилась, увидев Петровну, но промолчала. Сидели втроем, больше никого не было, еда бедная, простая, и говорить особо не о чем. Не о швабрах же и ведрах? И Мотя окончательно сделал выбор в пользу Августы. Теперь уже Паша приходила к начальнице на дом, якобы помочь выгулять собачку, или помыть посуду, или приготовить обед. Её никто не гнал, а Облако чувствовал себя превосходно в окружении двух любящих его женщин. Паша присмирела, не отпускала колкостей в адрес Петровны, заискивала. Но все хорошее когда-то заканчивается: как-то Мотя в обществе двух электриков отправился на ночную рыбалку с острогой. Река быстрая, каменистая, с омутами, - и наш индеец утонул. Стал Облаком в прямом смысле.

После похорон Петровна и Павлина стали неразлучны, как попугайчики, они еще трепетнее относились к незабвенному Моте: вспоминали его, грустили, ходили на кладбище, говорили: *«Это был лучший в мире Индеец!»* Память о нем объединила женщин навсегда.

САГА О БАДАЛЯНАХ

Амалия росла единственным ребенком в обеспеченной семье. Отец, Ашот Георгиевич Бадалян был директором асфальтового завода, а мать – главбух. Все желания ребенка выполнялись молниеносно. Дочка не блистала красотой, но чем-то была похожа на молодую Зыкину, не считая приличного рубильника на лице. Практичная Амалька закончила иняз и была завидной невестой, потому что папа был известен всему городу. Женихов - хоть отбавляй, но девушка выбрала тихого, скромного, какого-то напуганного фотографа Григория, и не прогадала - тот приносил в дом неплохие денежки. Холодная, грубоватая Амалия плохо спала: ей снилось обычно, что она предводительница амазонок, и, взмахивая над чьей-то головой боевым топориком, она истошно орала, просыпалась среди скомканных простыней, и оглядывалась по сторонам, пуча глаза. Муж, не без оснований считавший, что это может закончиться для него трагично, перебрался в другую комнату и запирался от воинственной жёнушки на ночь. Но это ведь не дело? Откуда тогда взяться детям? И Амалия проявила все свое женское коварство, чтобы заманить супруга опять в свою ночную жизнь и свои кошмары. Да, и коньячок никто не отменял. Родились сыновья, сначала Давид, а потом Арсен. Амалия сразу забыла про трусоватого супруга, а всю свою нежность опрокинула на сыновей, особенно младшего сына; он был необычайно красив.

Бадаляниха любила дензнаки, знала, как их добывать, и обеими ногами крепко стояла на земле, устойчиво. Оба ее сына закончили институты, Арсен получил диплом стоматолога, а Давид – дорожного инженера. Благополучие семьи разрушил развал СССР. Семья продала за гроши недвижимость в Душанбе и рванула в русскоязычную армянскую столицу Сочи. Здесь Амалия с Григорием купили дом, но прежнего шика уже не было – сотовая связь расплзлась по миру и уничтожила фотографический бизнес. Супруг стал сторожить недалекий санаторий. Амбициозные братья болтались без работы, не в силах заставить себя трудиться бесплатно, грузчиками или строителями. Решительная мамаша предложила сыновьям:

- Мальчики! А не замутить ли нам какой-нибудь бизнес? Типа «купи – продай»?

Парни воодушевились, заняли денег у душанбинского вора в законе по прозвищу Шакал, арендовали склад и закупили товары. Но дело не пошло: новичков с легкостью вытеснили местные, да еще и угрожали пистолетами. Обанкротились. В дом явились серьезные, накачанные мужики и сказали: «Деньги или жизнь». Классика жанра. Амалия выбрала «жизнь» и продала и дом, и машину, и материнские драгоценности. А потом сказала:

- Ну вот, дети, ваш опыт оказался с душком, нет у вас предпринимательской жилки, а жаль: дед ваш был ого-го! по этой части. Мы на улице и светит нам только съёмное жильё.

Гриша взялся сторожить второй санаторий, а Амалия, кроме работы в школе, допоздна натаскивала бездарей в английском. Копились деньги на новое жильё и пронырливая женщина нашла доступный недострой. Давид устроился на побережье официантом, а красавец Арсен день и ночь играл в «стрелялки» и «танчики». Мать заметила ему:

- Ну, Арсен, что за детский сад? Свежего воздуха не видишь.

Сын тогда пошел в кафешку, где сцепился с русским, и проиграл: навешали ему по голове сполна. Тогда мать смирилась:

- Ладно, сиди дома, мой мальчик. Целее будешь.

Но мужу сказала:

- Гриш, парни наши засиделись, надо бы их женить, а то никакой у них мотивации. Особенно Арсен в этом плане опасен: свихнётся он с этими компьютерными игрушками. Только и слышишь: «трах – бабах - бах- бах!»

- Как женить, Амалия? На ком? У них нет подружек.

- А вот в Брянске у меня есть далекая родственница, тихая и скромная, симпатичная такая. Арсенчику в самый раз. Я позвоню ей.

Так появилась Ануш, солнышко улыбочивое и работящее. И что? Арсену она не приглянулась, а Давид на нее запал.

- Мама, - сказал матери на кухне, - пусть Ануш будет моей? Я проникся к ней сильным чувством, это мой человек.

- Нет и нет, - сказала Амалия, тряхнув сердито головой, отчего парик съехал на правое ухо, - это твоему братцу, пропадет человек без жены, ты что, не понимаешь? А себе сам найди девушку, мы с отцом за любой твой выбор. Можешь даже разведенку взять.

Давид психанул: собрал вещи, деньги, и умотал на Кипр. Подальше от Ануш, чтобы не страдать. Но её глаза преследовали его и там, на чужбине: Ануш мерещилась везде; и в Буффавенто, и в Хирокитии, и на пляже Нисси...

Арсен нехотя сделал предложение брянской очаровашке, или Ане, как её называли на русский лад, и была сыграна свадьба. Молодой муж не работал, просиживал ночи за своими игрушками, или уходил в кафе «Пьяная пальма», и там пил с друзьями, да цеплял красивых девушек.

Время шло, у красавца Арсена с Аней появились двое детей, две дочки – куколочки. Аня работала в санэпидстанции, муж продолжал бездельничать. На жену не обращал внимания, но деньги тянул. Родители построили молодым дом, но этот дом для них был словно пустыня, в которой не было ни чувства, ни тепла, ничего. Как-то Ануш получила письмо от Давида, он писал, что «где-то прочитал, что Любовь – это купание в реке, что в нее надо нырять с головой, либо вообще не лезть в воду...», что по сию пору любит ее, Ануш, и не знает, что будет дальше, что одинок и будет просто ждать...

Аня спрятала конверт подальше, хотя это было напрасно: муж не интересовался ее делами, и не прочел бы письмо, даже если бы нашел его.

Шли годы, дети подрастали, Арсен подсел на запрещенные вещества. Ему было скучно, он проклинал свою жизнь, а наркотики помогали справиться с депрессией. Про брата он не вспоминал, но, когда тот пригласил его к себе в дом на Кипре, оживился.

- Приезжай, оторвемся! – сказал Давид по телефону, - сто лет не виделись, а ведь родная кровь.

По дороге в аэропорт Арсен разбился о фонарный столб, не справившись с управлением. В принципе, все к тому и шло, но все же Амалия сильно переживала, она до конца дней своих погрузилась в траур, остальных родных, и даже внучек, не воспринимала.

- *На кого ты оставил меня, Арсенчик?* – плакала в спальне, погружаясь в горе, как в пучину, и не могла, не хотела утешиться.

Она и не заметила, как на Кипр уехала Ануш, забрав детей, как ушел Гриша к какой-то бабенке, как пришло письмо от Давида.

Если бы она взяла его в руки, то прочла бы: *«Мамочка, я глубоко сочувствую твоему горю, мне жаль тебя. Все-таки между материнской нежностью, пониманием и эгоцентризмом есть разница, думаю. Ты хотела искалечить мне жизнь, но не получилось. Помнишь, как там, в Евангелии: «Да прилепится муж к жене своей?» Я прилепился к Ануш, и я счастлив. Я воспитываю племянниц - ее детей. У нас будут и свои дети, конечно. Если ты когда – то вспомнишь, что кроме погибшего сына у тебя есть кое – кто еще, милости прошу к нам в гости. Я хочу, чтобы вопреки всему, ты была счастлива... Если надумаешь, прихвати с собой отца, хорошо?»*

Но Амалия так никогда и не прочитала того письма.

ТИПАЖ ПЕРВЫЙ: «ТИПАЖ, ДА НЕ НАШ!»

В село прибыла большая съемочная группа, чтобы отснять осенний пейзаж и попутно праздник урожая. Предполагалась деревенская массовка. Рабочее название фильма: «Грачи улетели давно», на что авторитетная бабка Марфа во всеуслышание заявила:

- *Грачей у нас николи не бывало, а всякие мелкие пичужки ишо на полях кормятся, и никуда драть не собираются!*

Прошел слух, что за участие в массовке будут давать по три рубля в день: неслыханные деньги! Народу предлагалось приодеться, чтобы мужики были трезвые и не матюгались, бабы – красивые и радостные, а детей режиссер предлагал запереть в чуланах, чтобы не путались под ногами. Чтобы все слушались и его, и его команды. Ясно? Конечно, ясно! Возбужденный колхозный народец, и стар, и млад, побросав еще не доенных коров и некормленных мужиков, повалил на околицу села записываться «в артисты». Пока рабочие при киногруппе строили помост и устанавливали киноаппаратуру, режиссер с помощником осматривали деревню на предмет «типажей». Их внимание привлек рыдающий малыш, лет примерно пяти, на завалинке. Режиссер ахнул:

- *Какой замечательный ребенок! Типаж ангелочка!* – «Ангелок» поднял кудрявую головку и чистыми аквамариновыми глазами уставился на чужих дядей, но крупные слезы, как алмазы, скатывались по щечкам.

- *Василь Васильич, - сказала ассистентка, - какой херувимчик в кудрях, а?! Просто восторг!*

Василь Васильич спросил мальчишечку:

- *Чего орешь, мужик?*

- *Мамка бросила, ушла без меня!*

- *Однако же, вернется...*

- *Хочу в кино!*

- *Ну, брат, рано ты хочешь. Какой пострел, туда же!* - и режиссер рассмеялся.

- *Как зовут-то тебя?*

- *Данька.* – и малыш от волнения обмочил штанишки.

- *Ладно, утри личико, возьмем в кино, попробуем отснять крупным планом, как ты плачешь вслед улетающим грачам.*

Слово сдержали: отсняли десять дублей, а Данька ревел, как положено, и где только слезы брал?!

- Не иначе актер растет, - похвалил режиссер мальчонку, - отличный типаж!

Между тем по грязной улице плелся местный сторож, Онуфрий. Он важно подал руку режиссеру и заулыбался беззубым ртом, хотя не был так уж стар.

- Дед, где зубы растерял? – поинтересовался оператор.

- Так в лагерях, в Сибири, там рожден был и произрастал без витамин!

- Мясо кушаешь?

- Зимой разве, летом у нас его нетути...

- Имя у тебя знаменитое, знаешь ли, что писателя-француза звали Оноре, что по-русски Онуфрий?

- Не. Не слышал. У нас из пришлых только кыргыз один, на Маньке женился, и уже настроил ей с десяток ребят. Не спит, видимо, не ест, старается. А французов нетути. По деду назвали меня, но он тоже русский, не из Парижу.

И Онуфрий, загордившись тем, что вспомнил название европейской столицы, закурил козью ножку и потопал за околицу. Кинодеятели восхищенно заметили:

- Ну, вылитый дед Щукарь! Чудеса тут: типаж на типаже! Где бы еще грачей найти, и чтобы они друженько улетали под камеру? Может, гусей заснять? Все-равно городские не знают, кто как выглядит.

«Дед Щукарь» по дороге встретил Аграфену, мать Даньки:

- Дите бросила и шляешься, коза драния, а твой Данька ревет на завалинке, все там пообоссал!

- Мне уже сказали, что его сняли в кадр, думаю, теперь возьмут в Москву навсегда. Вот, бегала, дядь Онуфрий, заказывать новое платье в Москву. Чтобы кружавчики, и поясок в талию.

- Фу ты, ну-ты, ноги гнуты! И ты засобиралась в столицу?

- Дык не брошу же я Даньку, мал еще, а может, и меня снимут заодно, пока еще я молодая?

Вечером, возвращаясь с дойки, Аграфена присела к бабушкам.

- Груша, что болтают люди? Будто в Москву едешь с сыночком?

- Можса и рвану, тетеньки, Даньку вон сняли в крупный план, хвалили очень - талант, говорят, типаж, говорят. Заработаем там кучу рублей, длинных предлинных.

- Надо же, - удивилась Петровна, - отродясь не видывала длинных рублей, все больше мелкие и блеклые!

Три дня бурлила деревня, чуть не вышла из берегов: слыхано ли, кино снимается!

Каждому снявшемуся в массовке сельчанину отвалили по десятке. Из других деревень любопытных понабежало, им тоже хотелось славы и денег, но в их услугах режиссер уже не нуждался. Обидно? Да! Даньке киногруппа вручила подарок – большую красивую машинку, таких игрушек отродясь ни у кого не было. Ребяшня осаждала малыша, предлагая бартер: живую ящерицу, яблоко, маленькую щучку, паука на поводке, только бы поддержать подарок. Данька великодушно отметал презенты и всем давал погладить машинку, обещая:

- Скоро мамка отвезет меня в кино в Москву и там мне купят самолет. Всех прокачу!

Опять надоедали завистливые и любопытные соседки:

- Груша, ты скажи, берет тебя и Даньку Василь Васильич в Москву сниматься, или нет?

- Пока молчит. Но говорил, что есть идея снять сына в фильме: «Мужики». Только Данька еще мал, а так он им сильно понравился, типаж он хороший, вот!

Вальяжный режиссер, появившись на пороге Грушиной избы как бы ниоткуда, подтвердил:

- *Правильно гражданочка говорит: её сын - ангелочек очаровал нас, но пусть чуток подрастет, а пока внесем его данные в картотеку.*

И как память о таком замечательном событии висит у давно постаревшей Аграфены на стене фото Даньки и когда-то сшитое для Москвы платье. Груша не снимает его со стены и не носит:

- *А вдруг вызовут в кино сниматься?* – поясняет соседкам. – *Хороший у сына типаж, девоньки! Да и вырос он давно!*

ТИПАЖ ВТОРОЙ: «ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ!»

Алтай. Забытая Богом деревня. Жизнь в ней простая, и, что печально - однообразная, вся в работе, никаких острых впечатлений. Мало кто бывал в Барнауле, а о Москве даже и не мечталось. Жили в деревне слухами, горячо обсуждали чужие неприятности, все знали всё про всех. Знали и птичницу Евдокию Морковкину, толстую, неуклюжую деваху лет 17. Мать её постоянно болела, но злые языки считали её притворщицей и лентяйкой. Дуся же работала за двоих: себя и мамашу. Она ловко управлялась с цыплятами, невзирая на крупные габариты, была чувствительной и ответственной.

И, как выстрел в ночи, разнеслась новость: птичница Дуся собралась учиться на артистку:

- *Куда это ты намылилась?* – недовольно буркнул председатель колхоза, который вообще не любил никаких перемен. – *Ты не фактурная, скажем интеллигентно: корова толстая, образование никакущее, морда в веснушках, ни петь, ни плясать! Мать больная у тебя, какое еще кино?! Какая из тебя артистка Дуся Морковкина? Да из-за одной фамилии не возьмут!*

Он сердито сплюнул и растер сапогом.

- *А я назовусь Дашей Ивановой, деревня-то наша Ивановка, да?*

- *Дурочка, этого мало, там нужен талант.*

Подружки из птичника тоже возмутились:

- *Куда? Зачем? Что за блажь? На тебе Юрка собрался жениться, кобыле, а ты не ценишь!*

Продвинутая Сонька с сарказмом допрашивала:

- *А ты знаешь, что там отбор? Пробами называется? Комиссия восседает солидная, надо стихи читать с выражением, песню спеть из оперы?*

- *Девоньки, помилуйте! Я басню выучила: «Стрекоза и муравей»!*

Девчата попадали от смеха:

- *Дуська, это детсад! Сама ты стрекоза, хотя нет: коза ты! Вернешься с позором...*

- *Я чечетку умею отбивать!*

- *Ну да, пролотишь полы своим весом!*

- *Полы там каменные, как и дома, а лишний вес – мой козырь!* – сказала упрямо Дуся и заплакала.

Девчонки бросились её утешать.

Собравшиеся в доме соседки и кумовья тоже отговаривали:

- *Дуся, ну куда ты собралась? В Москву, да? Даже подумать страшно: зачем ты этому городу? Москва слезам не верит. И посмотри на себя в зеркало: некрасивая ты, толстая, пометом пропахла. Вон Ладынина, Орлова - загляденье - куколки, и поют, и танцуют, а ты как слон.*

- *Я тоже умею частушки петь*, - сказала Дуся и начала:

*Мой милёнок, как теленок:
Только веники жевать,
Проводил меня до дому,
не сумел поцеловать!*

- *Хватит, Дуська, частушки - это для деревни*, - сказали девушке собравшиеся, - *горе ты наше, дура деревенская!*

- *Как хотите, что угодно говорите, но я всё-равно уеду! Выучусь на артистку. Дорогу осилит идущий! Вот!*

Дуська приступила к сборам. Жаднучая Сонька принесла напрокат свой красивый платок, кума отдала сапожки, соседки одарили салом, колбасой и яйцами:

- *Бери, бери!* – уговаривала бабка Настёна, - *дорога, почитай, не близкая, а кормиться в пути надобно!*

Старались помочь, чем могли: «*Упрямая девка, может, что и выйдет!*» - думали одни. А другие делали заказы, уверенно считая, что в скорости их «артистка» вернётся, а в Москве «*есть всё! Пуцай купит!*» Парни, которые раньше не обращали на Дуську никакого внимания, теперь заглядывали в лицо, единственный поклонник Юрка, с детства косой на один глаз, загордился. Деревенский недотрога гармонист и шофер Иван сам предложил подбросить до станции. Трое суток пролетели незаметно: за окном мелькали пейзажи, и Евдокия удивленно думала: «*Какая же большая у нас страна и красивая!*» Гордость распирала её мощную грудь.

И вот экзамен. Даша вошла последней, встала у стола и замерла: перед ней сидели живые «боги», настоящие, величественные.

Представительная дама замахала руками:

- *Всё, товарищи, уходим домой! И слушать не стоит эту персону: не наш типаж! Уходите немедленно, - как вас там? – немедленно!*

- *Даша Иванова*, - тихо заметил председатель комиссии, - *вы занимались в каком-нибудь драмкружке?*

- *Нет. Я собиралась, но в клубе печка обвалилась. Рухнула, да и все.*

- *А вы откуда?*

- *Из Алтая, из деревни. Сто дворов у нас. Волки вокруг. Тот год почтальонишу съели. Бывает, что и шатун забредёт.*

- *Оно и видно*, - зло крикнула неугомонная Елена Сергеевна, - *неотесанная деревенщина, уезжайте в свой волчий колхоз!*

- *Подождите, не кипятитесь*, - вновь вмешался известный режиссер, - *предлагаю взять эту девушку, эту дуру-дурёху ко мне на курс. Без экзаменов, как сельского пролетария. Я попробую её в своей комедии. Мне нужен именно этот типаж, а кто из столичных студенток согласится нарастить такую, простите, попоньку? А? Молчите, Елена Сергеевна? Вы бы согласились?! Нет? Это же бриллиант на роли сельских простушек!*

Так Даша стала студенткой «Щуки», получила общежитие и стипендию. Написала письмецо на деревню о скорых съемках в комедии, - пусть завидуют! Через год, на каникулах, приехала с женихом, будущим оператором, в модных туфельках, расточая аромат «Красной Москвы». К её приезду председатель подсуетился: отремонтировал клуб для встречи с односельчанами:

- *Ну, Морковкина, ты нас удивила! И прославила. На сотни верст вокруг нет ни одной артистки, а у нас есть! К нам даже народ понаехал тут: трактористы, специалисты, из-за тебя! Маманю заберешь с собой? Да? Это дело! Гордимся тобой, и желаем тебе счастья, дорогая!* – и взрослый мужик, воевавший под Берлином, заплакал.

А как не плакать? Счастье растопит любое сердце.

ТИПАЖ ТРЕТИЙ: УПРЯМЫЙ ОСЁЛ

Платон продавал яблоны на московском рынке – знаменитую «антоновку». Торговля шла бойко. А почему нет? Продавец весёлый, красивый с виду, под два метра, бородатый. Работал играючи, с шутками и прибаутками:

- Яблочки ядрёные, красные – зеленые! Желтые, и в крапинку, берите маме с папенькой! Мочите и сушите, компотики варите! Витаминов масса, всего рублик в кассу! Яблочки – как первая любовь! Съешь одну, захочешь вновь!

По фруктовым рядам лениво прогуливалась группа киношников, в поисках ярких типажей. Режиссер резко остановился, прислушался:

- Парни, а кто там так талантливо зазывает народ? Двигаем туда!

Увидели красавца и оторопели: это же редкостный типаж! Три богатыря в одном! Или нет: Садко собственной персоной! Какая удача!

- Молодой человек, - приблизился к Платону помощник режиссера, - можно вас отвлечь на минутку?

- Ну, попробуйте, - разрешил Платон.

- Мы из Мосфильма, желаем пригласить вас на пробы. Вы нам понравились очень.

- Ну, это дело ваше, а я своим занят, - сказал продавец.

- Мы купим все ваши яблоки, поехали, машина ждет. Эй, ребята, грузите!

После погрузки товара Платон сказал группе:

- Никуда я не поеду! Сами купили яблоки, никто вас не заставлял, а я – домой! До свидания.

- Постойте! – крикнул режиссер, - как вас зовут?

- Платон, а для родных Платоша.

- Ну, вы же добрый человек, не огорчайте нас, прошу!

Уже в студии пошли задания:

- Платон! Попробуйте засмеяться!

- Я не идиот, чтобы смеяться без повода...

- Заплакать?

- С чего бы? Не мужское это дело.

- Походите, посмотрим на походку.

- Я вам не клоун.

- Прочитайте любимое стихотворение. Пожалуйста!

- Не знаю ни одного.

- А спеть сможете?

- Нет слуха, - сообщил Платон, и почесал бороду.

- Какой вы, Платон, несговорчивый! Просто ужас! Может, спляшете?

- Когда сильно выпью, тогда смогу.

Режиссер впал в уныние: как уговорить упрянца?

- А вы много пьете?

- Не пробовал.

- Какими видами спорта владеете?

- *Кулаками владею. Проверить хотите?*

Группа на просмотре «яркого типажа» зашушукалась. Вот, как отпускать этого красавца? Никак нельзя! Это украшение студии. Слегка неотесан, но это исправимо.

- *Оставайтесь работать у нас, Платон. У нас тут много интересных творческих профессий, присмотритесь, просим. По рукам?!*

Остался Платон из любопытства, он не был женат, а времени – масса. Поначалу работал бутафором, потом монтировал и демонтировал, силищи – то не занимать, выполнял любую подручную работу без устали, без просьб со стороны начальства. Но режиссер попыток не оставлял: предлагал пробоваться на роль Петра I:

- *Слушай, Платоша, ты подкову можешь согнуть?*

- *Могу, а зачем добро портить?*

После долгих репетиций Петр из Платона не получился: у «актера» были пустые глаза, без огонька, и неловкие движения.

Режиссер Сергей Иванович почти заболел от расстройства:

- *Платон, прости, а для чего ты рожден с такой славянской внешностью, таким невиданным красавцем? Как думаешь?*

- *А леший его знает, маманю спросите, это её дела.*

Начались съемки в Крыму. Рабочее название картины: «Голубая луна».

«*Чушь какая-то, а не название, - думал Платон, - не бывает Луна голубой!*», но сам заинтересованно следил за съемками, процесс его затянул.

Как-то заболел помощник осветителя, и Платона попросили заменить его временно.

- *Без проблем, - согласился тот.*

- *А справишься?*

- *Постараюсь!*

Платона оформили художником по свету, работа оказалась не простой, но интересной и творческой. Это техник и художник в одном лице. Со временем парень стал ведущим специалистом в этой области.

- *А кто тебя сюда притащил почти силой? – смеялся друг Сергей Иванович, - продавца яблок?! Как ты упирался, осел упрямый, помнишь? Но все - равно жаль, что ты не стал актером: сколько живу, таких фактур не видел. Богатырь, красавец! Просто зашибись! Ладно, ладно, умолкаю...Ну что, по пиву, дружище? Тогда пошли!*

САША И САНЁК

Александр, или по-простому Санёк, остановился у детской песочницы:

- *Ты чего орёшь, как корова не доенная? – обратился к восьмилетней девчужке.*

- *Я не корова, я Саша. Хочу и кричу!*

- *Вытри мордочку, - и протянул плаксе платок, - да скажи мне, кто тебя обидел?*

Девочка отодвинула платок и размазала по щекам грязь и слёзы:

- *Вот тот, Славик, сопливый! Кидается в меня камнями! Попал в руку и ухо зашиб.*

Стоявший неподалеку пацан заявил на это:

- У меня «лергия», - и, шмыгнув носом, виновато моргнул бесцветными глазками, - я – больной мальчик, а Сашка задирается. Зовет меня соплей зеленой.

Санёк слегка подумал:

- Саша, я тебя раньше не видел в нашем дворе...

- Мы недавно переехали: я, мама и бабушка. А папка от нас сбежал давно.

- Я тоже живу с мамой. В обиду тебя никому не дам, обещаю! – и подросток напряг бицепсы, показывая силищу богатырскую. Он был кряжистый, губастый, мелкоглазый. Но добрый. Затем вздохнул, и отправился на тренировку.

Саша сидела на лавочке, грызла семечки. Теперь ей двенадцать, она вытянулась, похудела, засияла глазами. Мимо шел шестнадцатилетний Санёк; он все еще занимался боксом, но росту не прибавил. Остановился около Саши и протянул букетик ромашек.

- Фу! – девчонка отбросила цветы и отвернулась.

- Ты что, не в настроении? – ухажер присел рядом, но Сашка сказала: «Тебе что?» - встала и ушла.

Санёк тяжело вздохнул. А у открытого окна сидела мать парня и съязвила сверху:

- Тебе девчонок мало? Что ты вьешься вокруг Саньки? Ни рожки, ни кожи, что ты в ней нашел, сынок?

- Есть в ней рожка с кожей, - брякнул сын и добавил: «Приду с армии и женюсь!»

- О! Знаешь, сколько воды утечет? Да она на тебя и не смотрит. Высокомерная, хотя и безотцовщина!

- Хватит, мам, я точно такой же.

- Твой отец погиб в шахте, это другое...

- Правда? И как мне это помогло по жизни?

Мать обиженно засунула голову обратно, а Санёк тяжело вздохнул.

А вот уже Саньке 16 лет, учится на курсах, красотой не блещет. Но юность такая штука, что украсит любого, ведь весна и скудное деревце облакает изумрудной листвой. Александру 20, он вернулся из армии, поступил в строительный техникум.

Вечер. Саня с подругой собрались на танцы, а тут подрулил на велосипеде Санёк:

- Сашка, давай прокачу!

- Не хочу! Мы – на танцы!

- А с вами можно?

- Нет! – девчонки рассмеялись и упорхнули.

Санёк тяжело вздохнул.

Прошло еще два года. Александр работал на стройке, приоделся и купил себе мотоцикл. Как и прежде, все его мысли о Санечке, если случалось увидеть - весь день был счастлив. А у той заболела мать, положили в больницу и без конца что-то вырезали. Девушка грустила, переживала, часто плакала. И стала соглашаться, когда Санёк предлагал подбросить её до больницы. Как-то сказал ей хрипло, смущаясь:

- Санька, я люблю тебя с момента первой нашей встречи. Давай поженимся?

- Не вздумай предлагать мне это, - отрезала Саша, - не будет этого никогда!

- Но почему?

- Я тебя не люблю, нисколечко!

Матери становилось все хуже, начались осложнения:

- Доченька, чую, что умру. Выходи за Александра, он хороший парень. Порядочный, любит тебя. Подумаешь: некрасивый, зато будет только твой. Обещай! А я умру спокойно.

Дочь пообещала и двое поженились. Мать долго болела, но выжила. Санёк был на хорошем счету у начальства - дали квартиру. Через положенное время родились дети: сын и дочка. Подрастая, детки становились копиями отца: белобрысые, губастые, мелкоглазые. Мать своих детей не любила; вроде, и старалась, но не получалось. Впрочем, это было взаимно.

- Что такое Африка? – как-то пристали дети, - скажи, мам!

- Это континент такой, там живут черные от злости люди. Летают мухи цеце, малярийные комары, и ходят бешеные носороги. Будете задавать глупые вопросы - отправлю вас туда. Не мешайте!

- Мама у нас злюка, - жаловались ребятишки бабке, - мы ей не нужны! Лучше бы бросила нас, мы её боимся!

Уходила на работу в мэрию, где была секретарем – машинисткой, и задерживалась там до позднего вечера. Детьми занимались Санёк и бабушка. Саша никогда не улыбалась, всегда была отрешенной, строгой, грустной. Санёк тяжело вздыхал и делал вид, что не замечает холодности жены. Он продолжал любить её, понимая, что в нем недостаточно тепла, чтобы расточать его кому попало, был верным. О разводе и не помышлял. Стереотип «стерпится – слюбится» не сработал, увы. Санёк мучился, переживал, не знал, что делать. Отвлекался на детей: купал, обстирывал, выгуливал, кормил тортиками, стал семейным кулинаром. А Саша всегда находила повод, чтобы уйти из дома.

- Что не так, моя родная, любезная жена? – допытывался муж. Но жена на разговор не выходила, лишь натягивала на лицо пелену, сквозь которую к ней было не пробиться. Отворачивалась и исчезала. В её сердце он отсутствовал, в нем уже не было надежды, что все исправится, и она полюбит супруга. Иногда Саньку хотелось двинуть в эту непроницаемую рожу, растолкать как-то женщину, но рука не поднималась, и с горя он стал выпивать.

А на работе у Саши появился командированный мужчина, Кирилл, веселый, с усами и шальными глазами, и женщина влюбилась впервые, вспыхнул бурный роман.

- Не уеду без тебя, - заявил Кирилл как-то Александре и обнял так, что она задохнулась.

Тогда Саня уволилась, собрала свои вещички, и, слегка запнувшись длинной шпилькой о порог спальни, сказала мужу:

- Александр, я полюбила и ухожу от тебя, детей оставляю. Разведемся дистанционно, в заявлении пиши что хочешь, но чтобы оформили все быстро. Не женись по сильной любви, - можешь опять ошибиться. Ищи женщину, которая станет матерью детям. А я останусь тенью в твоей жизни...

Санёк по привычке тяжело вздохнул, но вдруг почувствовал, что ему сильно полегчало. Он улыбнулся и крикнул:

- Дети! А не пойти ли нам в парк погулять? – И, через паузу: «А мамы нет, она навсегда уехала в Африку!»

ДВА ОДИНОЧЕСТВА

Лиза и Миша – воспитанники одного детдома. Став взрослыми, разлетелись кто куда. Встреча произошла случайная, в кафешке, где грузчиком работал Михаил. Лиза, высокая и худющая, имела бледный вид, будто её постирали в машинке с порошком. Для усиления незначительности носила мышинового цвета костюмчики. Михаил же, чернявый и низкорослый, но веселый и юморной, был душой любой компании. Встретились, и, на долгие года, не расставались. За добрейшую душу и золотое сердце Лизу величали «матерью Терезой», а злопыхатели называли «вешалкой». Получилась странная пара: не Дельфин и Русалка, тем более - не Тристан и Изольда, но окружающие

считали их парой идеальной и гармоничной. Долгое время ребята получали копейки, не имели своего жилья, как говорится, прозябали. Незаметно пришли «горбачёвские времена». Вдруг стало все можно, и в мутной пене хаоса родилась частная собственность. Миша приватизировал кафешку и стал ее хозяином, отрастил бородку, а заодно и животик. Надел красный пиджак, как положено боссу, галстук с черепами, а поверх его – золотую цепь. Хотелось бы и бриллиантовые запонки, ну да ладно, - решил, тут не дикий Запад. А Лизу позвали в районную администрацию, - жизнь налаживалась: появились деньги и возможности. Летом валялись то на пляжах Черного моря, то в долине Голубого Нила, а зимой «ковали» монету. Но неизменно возвращались:

- *Там везде хорошо, а дома таки лучше!* – философствовал Михаил. - *Лизонька, душа моя, у меня есть предложение!*

- *Выкладывай, дорогой,* - прошелестела супруга, проявляя интерес.

- *Давай построим свой дом, а? Хватит мотаться по съемным квартирам, пора вить гнездо и обзаводиться птенцами.*

Строительство большого дома с баней, теплицей и гаражом растянулось на десять лет. Обстановку доставали по благу. Имение своё величали пафосно: Сан- Донато, как когда- то и Демидов Анатолий Николаевич назвал свою виллу, выстроенную во Флоренции. Плагиат, конечно, но кто догадается? Народ кроме Марининой и Донцовой всё- равно ничего не читал.

А у подъездных ворот Михаил собственноручно посадил два кипариса, и, удовлетворенно потирая ручками, заявил:

- *Все! Заселяем гнездо птичками!*

Однако птенцов как не было, так и нет. Елизавета упорно лечилась, наконец, понесла. Купили детскую кроватку, навороченную коляску, ходунки, горы красивой одежды, но, увы! – на больших сроках случился выкидыш.

- *Скважина худая!* – сказал в сердцах Миша жене. – *Не могла быть поаккуратней?!*

Вердикт врачей – бесплодие. Лиза долго восстанавливалась, страдая и физически, и морально. Друзья сочувствовали и советовали взять ребенка из детдома.

- *Нет!* – отрезал Миша, - *хочу своего! Или никого не надо.*

Супруги приходили в Сан – Донато, но большой и красивый дом уже не радовал - не слышно детского смеха, шума, суеты, никто не бросался на шею: холодно и пусто, как в гробнице Тутанхамона. Всего достигли, но стало скучно и неинтересно: а для чего все это?

Миша все чаще задерживался на работе, от него запахло коньячком и дорогим одеколоном, и это амбре навеивало на мысль: у мужчины кто – то появился. Лизе доносили слухи, но она не верила. Не хотела верить. Однако сделала шестимесячную завивку, серый костюм сменила на голубой, начала красить губы и подводить глаза. Стала элегантно и непринужденной, много и без повода смеялась. Но ее рыцарь не заметил перемен, он практически не бывал дома. Он крутил роман, который тщательно скрывал. Как – то пришел домой выпивший, и, пряча глаза на исцелованном лице, предложил:

- *Лизонька, я тебя любил, но теперь другая история: у меня новая женщина, и она на сносях...*

Лиза побледнела, задыхаясь:

- *Это Маринка - твоя практикантка?*

- *Она или не она, какая тебе разница?*

Лиза тихо повалилась на бок, потеряла сознание. Инфаркт: долго валялась в больнице, стала инвалидом. По выздоровлении забрала свои пожитки и поселилась в общежитии.

А у Михаила родилась дочка Валюшка. Спустя три месяца разболелась и Маринка – аппендицит наисложнейший, операция.

- *Лизонька!* – почти плакал в трубку Миша, - *приходи помочь с ребенком, больше некому, ну, будь другом...*

Лиза пришла и занималась с младенцем, спала на диване в детской. Привязалась к девчужке, ровно мать, но тут вернулась Марина.

- Ты не думай, - сказал на прощание бывший муж, - Маришка с пониманием, она не глупая баба, и не злая, а тебе – спасибо!

А через полгода опять звонок:

- Лиза, я тут услышал, что тебе дали инвалидность, но это же копейки, переезжай к нам, заселяйся в отдельную комнату. Маринка ложится на сохранение, а Валюшка ждет тебя. Живи с нами: мы же одна семья!

Опять молча, из любви к Валечке и Мише, переехала Елизавета обратно в свой же дом. Недоброжелатели теперь вместо «вешалки» хлестко определили её в «дуры». И подружки Лизу не одобряли:

- Ты, Лизка, сама доброта, но не до такой же степени? Это уж слишком! Это за пределами морали! В своем доме быть нянькой и домработницей, а? Зачем так унижаться? Дура ты и есть, ею и останешься!

- Простите, но у меня нет никого, кроме них, никого! Какая тут мораль? Это – жизнь.

- Вы как магометане живёте, разошелся твой Мишка, - не сдавались подружки, - поразводил жён, бесстыдник, а у тебя гордости нет. Чадру еще нацети, Лизка.

«Гордыня – это наш незримый враг, она живет в каждом из нас, и мучает, и толкает на неверный путь, и трудно смирить её, но необходимо», - рассуждала Лиза, и сказала сама себе:

- Пусть будет, как будет.

Народилось у новой пары четверо, и все девочки. Молчаливая Лиза нянчила всех и всех любила, как своих. У этой девочки – Мишины бровки, у той – носик, а у другой - смех. Мишино семя, любимого Мишки потомство. С Маринкой стали подругами: а что им делить, собственно?

Как – то Михаил отвозил подарки в детский дом к Новому году. Малец лет трех – четырех вдруг бросился на шею незнакомцу с криком:

- Папка! Папка приехал! Папка пришел забрать меня!

Дрогнуло сердце, и в глазах как – то защипало, занялся оформлением документов. Тихо, Маринку с Лизой не уведомляя.

Как-то отворил двери своего роскошного шумного Сан -Донато, и закричал радостно:

- Мамки, принимайте наследника и сына!

Первой выбежала нескладная Лиза и протянула руки, и подхватила ребенка, потом засветилось в проеме двери смеющееся лицо Маринки... Потом вынесло навстречу новому братику толпу косичек.

В большом доме образовался полный комплект под названием «Счастье»!

ВОТ ТАКАЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

История не нова, и мало кого удивит: в этом мире все повторяется, и ничего нового нет. Есть только нюансы, часто незначительные. И так, служили два товарища Федя и Дима в одной части, в одной роте, одной казарме рядом. Братья так не дружат: из одного города, из одного многоэтажного дома, сидели за одной партой.

- Да я умру за тебя, - утверждал Федя.

- А я никогда не брошу тебя в беде, - суровел лицом Дима.

Всегда и везде вместе, на зависть недругам. Даже в дозоре. Но письма домой писали врозь, таясь друг от друга. Это и понятно: письма – это нечто личное. Особенно если «это» - девочка Оля на другом конце страны. Оба её тайно любили с детства, но никогда в том никому не

признавались. В садовском возрасте дружили втроём, а ординатором и прилипалой был Славик – сопляк. Невзрачный и золотушный в общество троих не был допущен, зато готов был служить и подчиняться. Оля – красавица, но с изъяном: часто моргала, чего, видимо, пацаны не замечали. Она не отдавала предпочтения никому. Как говорится, «ровно дышала». Лет в десять исчезла с матерью. Жизнь ребят без Оли потускнела. Говорят, уехала с мамой в Норильск. Но в день окончания школы появилась: расцвела, похудела в ниточку, и моргать перестала.

- Холод в Норильске, ребята, ужасный. Там унтайки нужны, а не сапоги. У сапог подошва трескается моментом. Не советую вам туда, никогда!

Опять встречи, посиделки на лавочке под «грибком». И Славик вьётся рядом, как в былые времена, носом пошвыркивая. Федя и Дима говорили баском, а Славка еще попискивал. Оля, видимо, предпочитала Федю: он красивый парень, и высокий, как Миланский собор, и разговорчивый, а неуверенный Дима больше помалкивал. Но вот и настала взрослая пора: всем по 18 лет. Парней забрали в армию, Оля отправилась в институт, а Славик остался дома с плоскостопием. На втором году службы выяснилось, что друзья пишут письма одной адресатке - Ольге. Началось меж ними расследование, кто больше любит девушку. Получалось, что оба одинаково. Федя и Дима объявили незримую войну друг другу. Следили, кто больше писем напишет Оле, и старались перехватить ответы. Наконец Федя осмелел, и в телефонном разговоре решился спросить, кто Оле больше нравится. Та ответила:

- Оба одинаково.

Как – то затерялось письмо, адресованное Феде:

- Димка, это ты, скотина, перехватил письмо? Еще другом называешься...

- Не дури, не делал я этого, да и зачем? Пусть Олечка сама выбирает...

- Олечка??? Какой ласковый! – и Федя затаил злобу.

Он перешел в конец казармы, где стояли вёдра и швабры, и подозрения переходили в уверенность.

Дружба дружбой, а любовь – отдельно. На учениях, как бы нечаянно, Фёдор выстрелил в Диму. Убить не убил, а легко ранил. Дружба лопнула, а, отсидев на губе, Федя не раскаялся. Теперь они враги.

- Федя, зря сердисься, - увещевал бывшего дружбана Дима, - Оля одинаково к нам относится. Кого выберет – дело только её. Давай, помиримся?!

- Никогда! – свернул глазами Федя, - ты предал нашу дружбу! Обещал умереть за меня, помнишь? Ненавижу!

После демобилизации вернулись поодиночке.

Во дворе недоумевали, почему друзья «не разлей вода» сторонятся друг друга, но те молчали. А Оли и след простыл. Говорили, что уехала в Краснодарский край. А может, в Ставропольский. Следующие два года у Феди ушли на поиски адреса, а Дима отстранился и наблюдал за процессом со стороны.

Фёдор решился на поездку. Каково же было его удивление, когда по адресу Ольги в одной шумной станице он увидел Славика, того самого, сопливого. Он стоял во дворе и жевал сочный помидор.

- Ты что тут делаешь, кореш?

- Живу, - простодушно ответил тот.

- Уж, не с Олей ли?

- Да, с ней. Мы даже повенчаны.

С улицы забежал мальчонка, полутора лет, вылитый Славка; с зелеными соплями, без трусов, и босиком.

- *А тебе что? Оля позвала тебя?*
- *Нет, я сам, - стушевался Федя. – А где она?*
- *На работе, - зевнул Славик.*
- *А ты почему не на работе?*
- *А у меня сменный график.*
- *Так что же, бывай здоров. Пламенный привет Оле.*
- *А зачем ты к нам привалил?*
- *Да так, в командировке я, захотел навестить друзей детства.*
- *Ладно, бывай! А то садись, выпьем?!*

Федя вернулся в свой город сумрачный, невыспавшийся; в поезде его преследовало видение, как любимая девчонка в белой фате целует золотушного соперника в его прохудившийся нос. Ругая себя последними словами: «дурак, недоумок, недотепа...», купил бутылку коньяка, банку с солеными огурцами, и пошел мириться с Димой.

ГЕОЛОГИ ДУХАМИ НЕ ПАХНУТ

Майя, как и многие дети после войны, росла без отца. Жили с мамой бедно, но на судьбу не жаловались. После десятилетки поехала поступать в институт. В большом городе, по словам матери, жила дальняя родня. Нашла бабу Зину, сестру своего деда. Они увидели друг друга впервые: цветущая юность и угасающая старость:

- *Ладненькая ты, доча, получилась. Жалко брата, не дожил до старшей внучки. У меня тоже есть внук, загляденье, весь в отца! Жаль, погиб на фронте героем. Правда, про награду то ли забыли, то ли затерялась где, а так – герой! И другой внучок мой Яшка, твой одноклассник, скоро явится, жду. Ой, как жду! Все глаза прослезилась! Вот бы вас свести!*

Майя, слегка запутавшись во внуках, всё же спросила:

- *Баба Зина, мы же, выходит, родня?*
- *Какой там? По крови, так да. Но далекая родня, это ничего, это можно.*
- *Могу не понравиться.*
- *Что ты, девка! Такая ягодка! И он тоже не подкачал.*

Молоденькая Майя впечатлилась не на шутку, все её мысли крутились теперь вокруг Якова. Она зачастила к бабуле, чтобы не пропустить появления потенциального жениха:

- *Баба Зина, а почему такое редкое несовременное имя у внука?*
- *Все дед, леший его забодай: заявил, чтобы мальчонке дали его имя, дескать, в память о нем самом.*
- *Наверное, в школе его дразнили?*
- *Как не дразнить? Дети жестокие, то звали Яшка – кашка, а то и еще похуже. Хотели заменить имя, но тот – ни в какую! На Небе, сказал, я уже Яков! Это всё работа деда.*
- *А чего он не приезжает?*

- Ой, Маюшка, делов-то у матери уйма: дров надоть заготовить, сена подкосить, да прибрать, картоху выкопать. Соседкам-вдовам помочь, он же мужик!

Майе представился ладный работающий Яков – крепкий, добрый, красивый, и она влюбилась заочно, и даже на фоне трепетных чувств провалила экзамены. И поэтому стала работать на почте. После длительного перерыва появилась у бабушки, твердо надеясь встретить Якова, уже считая его своим женихом, но бабушка, на удивление, не обрадовалась. Была отчужденной, поникшей, грустной.

- Бабулечка, что случилось? Вы заболели?

- Худое случилось, не приведи Господи! Яшка утонул.

И старая женщина горько заплакала, стряхивая слёзы кончиком платка. Майя закричала:

- Как это? Это невозможно, это неправда!

- Правда, доченька, правда. Парнишку спасал, да самого Анчутка утащил в омут... Под корягой нашли.

- Какой Анчутка? Кто это? – рыдая, спросила девушка.

- Кто, кто. - Водяной. Знать, не суждено быть вам вместе, а я, старая, размечталась.

Теперь плакали обе.

После этого известия Майя редко навещала бабушку. Она провалилась в депрессию и долго не могла прийти в себя. А когда появилась у родственницы снова - бабу Зину уже похоронили.

Майя думала о Якове непрестанно, как о живом, не верила в его гибель. На танцах стояла в сторонке, отказывая кавалерам. Подружки удивлялись, а те из них, что знали о Якове, укоряли:

- Дура ты, Майка! Ты даже его не видела, и фото нет, какая такая любовь?

- Бабушка, вроде, благословила, а про фото я не догадалась...

Она мысленно разговаривала с ним, советовалась, а потом поступила в институт, и всё завертелось: лекции, зачёты, экзамены. Незаметно пролетели годы учёбы, но Якова Майя не забывала, личную жизнь не устраивала. Думала: «не утонул он, а просто уехал далеко, на БАМ, например, и вернётся непременно!»

Так и жила мечтой. А потом случилось нечто. Летом, в отпуск, отправилась погостить к родне. Родня тоже далекая, седьмая вода на киселе, но так что же? И тому рада. Ехала автобусом. Рядом уселся мужчина в грубых сапогах, несмотря на жару. В клетчатой несвежей рубашке, от которой крепко пахло потом. Высокий, крепкий, бородатый. Со смеющимися зелеными глазами. Майя отодвинулась к окошку, прикрывая нос платочком.

- Что, дамочка? Дурно пахну? – насмешливо спросил попутчик, - терпите, рабочий класс духами не благоухает, а геологи, тем более!

Майе стало стыдно:

- Простите, я машинально отвернулась, я против геологов ничего не имею.

- А вы кто по профессии, - спросил геолог, - невичка? Артистка?

- Нет. Я технолог на гормолзаводе.

- О! Вкусная профессия. А зовут- то вас как?

- Майя.

- Значит, в мае родились? А я – Яков.

Майя вздрогнула, током прошибло с головы до ног:

- Значит, ты живой, не утонул?

- Живой, разрешаю потрогать, - засмеялся мужчина, - и не утонул, потому что работаю в горах.
- Так ты внук бабе Зине, да?
- Насчет бабы Зины не знаю, мою бабушку звали Таисией.

Пара вместе вышла из автобуса, вместе оказалась у родни, и создала семью.

Позже Майя часто размышляла: «И за что мне такое счастье? Наверное, сам Бог меня утешил, и послал не кого-то, а Якова!»

ДАВНЫМ-ДАВНО...

В этом подлунном мире всё повторяется: что было вчера, будет и сегодня: войны, любовь, предательства, измены. И крутится это колесо по кругу, наматывая на лопасти человеческие чувства, радости и скорби.

Молодцеватый хлопец со сверкающими аквамаринными глазами и перевязанной рукой появился внезапно, будто из – под земли:

- Дивчина, напои водичкой вкусной раненого, - обратился к кареглазой молодке, набирающей воду из колодца.

Настя вздрогнула и широко открыла и без того ясные, большие глаза:

- Пейте, дяденька, если не шуткуете.
- Хаха! – рассмеялся «дяденька», - я ишо молодой! Вкусная водичка херсонская, а я из – под Харькова. Жара-то ужась какая, может, в хату позовёшь, а?
- На хату ни, Мыкола заругает, в сенцы только позвать могу.
- Кто этот Мыкола, батька, чи шо?
- Какой батько? Голова, а я его жинка. Ажно две недели.
- Лет-то сколько тебе? Вроде дивчина.
- Намедни шешнацать стало.

Вошли они в сенцы, просторные, прохладные, а в дальнем темном углу лежала солома.

- Ты хучь и ненашенский, а снадать хочешь? – спросила девица.
- Как не хотеть? Очень даже хочу, а потом до фершала мне надо, ранен я.

Дала Настя кусок пахучего хлеба, а сверху водрузила шматок сала.

- Меня Максим зовут, кваску-то дай запить.

А потом, покопав соломинкой зубы, Максим внезапно, так же, как и появился у колодца, повалил Настю на солому. После чего ошарашенной чужой жене заявил:

- А я вот такой, шибко бедовый. Понравилась ты мне, объявляю своей женой, а Мыколе - фигу с маслом!
- Так! – сказала Настюха, и собрала в платок пожитки, - Мыкола не люб мне, отдали, как сироту, не спрошал даже никто.
- Добре! Ежели так, то пошли скорейча. А то отхватит твой Мыколка в ухо, за то, что пользовал тебя две недели.

Шла гражданская война, то тут, то там раздавались выстрелы. Парочка пристала к обозу и покинула селение. К ночи прибыли в большую станицу, там сидели красные. Максим нашел «фершала», а тот хамски так заявил: «Видать, паря, самострел!»

- Я те покажу самострел! – и вlepил по мозгам, - любил Максимка драться. Его задержали и временно заперли. Настя дожидалась нового мужа «куды сгинул?» и боязливо выглядывала из-под телеги.

- *Чего валяешься без дела, марш помогать на кухню!* – застрожился обозный.

На другой день опять перестрелка: красные отступали, и рекой вливались белые. Обоз спешно отъехал. Максим нагнал отступающих только через неделю.

- *Ты не плачь, Настёна, я бедовый патрубок, всегда найдусь. Давай, подадимся к зеленым, или к Махну? Ну их, белых, и ну их, красных, беспортовых!*

Какое-то время всё же мотались то к белым, то к красным, успел народиться мальчонка. Сёмочка возрастал среди ящиков на телеге, худой, золотушный. Максим то исчезал на месяцы, то появлялся. После очередного визита народилась Марушка.

- *А я в Китае был, веришь? Во! Натерпелся!* – шептал ночью Максим на ухо жене, - *попал к хунхузам, ихним разбойникам. Хотели мне нос отрезать, да я притворился дураком, немым, припадошным. Кое- как утёк, а товарищей порубали в щепки.*

Закончилась гражданская война. Если есть альфа, то будет и омега. Так! Максим и Настя осели, завели свой домишко и корову. Жили кое – как, во дворе бегали трое детишек. Как – то мать полола картоху, а тут, какая - то баба стучит в калитку:

- *Эй! Кто дома?*

Настя вышла, соображая: «неужели фининспектор?»

- *Максим здесь?* – спросила тётка весьма нелюбезно.

- *Нету, на работе.*

- *Ладно, я подожду. Нечего тарачиться, я – фронтовая жена Макса, поняла?*

У Насти отвисла челюсть, и отнялись ноги.

- *Жинка – это я, - дерзнула ответить спустя паузу, - у нас дом, дети, корова.*

- *Дура ты, нужна ему твоя корова...*

Гостья дождалась хозяина, повисла на шее, впилась сочным поцелуем в щеку, тот обрадовался очень. А Настя рыдала.

- *Чего реवेशь, дуреха?* – засмеялся Максим, - *ну, забыл сказать за неё, пусть поживет с нами, а там видно будет.*

- *Не согласная я!* – взвизгнула, утирая слезы, Настя, - *пуцай убирается куда подальше!*

И получила в ухо, а когда Максим побил Настю, ушел с военной женой. Целый год не появлялся, Настя с детьми питались огородиной, вконец обносились.

А тут началась новая война, страшнее прежней. Опять внезапно вернулся муженек – его задержал военный патруль. Предстояло ехать на Урал, работать на военном заводе. В строевые части Максим по возрасту не годился. Но Настя категорически ехать отказалась. Такого Максим не ожидал и опять поколотил жинку. Тихая и покорная, она неожиданно взбунтовалась: раз побил, два побил, значит, будет лупить всегда. Максим уехал, бросив на прощанье:

- *Сама прибежишь, как собака!*

Но через полгода нежданно – негаданно заявился Мыкола:

- *Настя, - сказал, - я тебя крепко кохаю, забыть не могу, тилько о тебе и живу. Сколько годов шукал, и вот, наконец, нашёл! Теперь ты моя до самой кончины. Никому не отдам! Так?*

- *Так!* – твердо сказала Настя, и впервые за много лет улыбнулась.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Миграция населения – явление не новое, а, скорее, естественный процесс обновления мира. Завоеватели ищут новые земли, чтобы пограбить, а миряне – на них поработать. На Тамбовщине сбилась группа бедняков с детьми и скарбом, лидером которой был неженатый Матфей, по – простому – Мотя. Это был великан, сгусток мышц невероятной силы, но с простодушным приятным лицом. Получив ссуду, отправились в Сибирь, не зная ни дороги, и ничего о Сибири. Дорог, как таковых, собственно, и не было, скорее, было - бездорожье. Часть бедролаг, не выдержав тяжёлого пути, возвратилась назад, а двадцать домохозяев под предводительством Моти поехали дальше. Он не унывал, верил в судьбу, и работал за пятерых: вытаскивал телеги из грязищи, строил мостки и плоты. Переселенцы хвалили Мотю:

- *Ну, парень – молодец, с ним не пропадёшь!*

К зиме прибыли в Красноярский край. Выбрать место делегировали Мотю:

- *Парень пробивной, не сплешает. Пуццай двигает.*

Место нашёл хорошее: елань на высоком берегу реки. А река - не только рыба, но и дорога в тайге. Реку назвали «Безымянка». Мотя выдолбил толстый кол с надписью «Мотино», старики одобрили. Зимой пережили в землянках на привезенных припасах, охотились и рыбачили. Весной раскопали поле и посеяли ячмень:

- *Мужики, нам надо старосту, в верхах требуют.*

- *Мотю!* – закричала толпа хором, - *лучше нету его, и грамотей он, однако.*

Так Мотя стал прорабом и начальником. Срубили двадцать изб для семей, по десять – с каждой стороны улицы. Печники спроворили печи, и каждый вскопал огород. От налогов вышло послабление, а через год прибыли беглые. Зимой промышляли белку, куницу, соболя. Летом ловили рыбу, собирали грибы – ягоды, били шишку. Мёд отбирали пока что у лесных пчёл. Скопилась пушнина, а куда девать? И отправился Мотя вниз по течению, в большое старообрядческое село:

- *Ну что, мужики, меха берете у нас на обмен? Или как? Нам лопаты, заступы надоть, а кузнеца нету.*

Пока сговаривались, Мотя квартировал у местного старосты, где присмотрел его дочку - красавицу Дуняшку. Девчонке 14, яблоко наливное! Влюбился Мотья, аж заболел, а виду не кажет. Дуняшка, узнал, просватана уже, да на посту свадьбы не видать!

- *Ты, Мотья, дорогу проторил к раскольникам, и про нас совсем забыл, - укорял дед Осип. – Што тебе та девка сдалась, я вот всю жизнь бобылём, и ничо!*

Но вся правда в том, что парень не мог жить без Дуняшки, так бы и смотрел, и смотрел, и не посмотрелся никогда. Прознал женишок её про Мотю, да заявился со словами:

- *Отстань, она не твоя!*

Сидели на берегу, на перевёрнутой лодке, и Мотя поначалу молчал, а жених распалялся, и стал оскорблять соперника. Тут обсерчал Мотя, да как двинет кулачищем по рылу, и убил насмерть. Сбросил тело в реку, чтобы налимов кормить. Но труп всплыл, и пришли стражники, арестовали Мотю. Однако тот, как библейский Самсон, путы порвал и бежал. Выкрал Дуньку и исчез. Осиротело Мотино. А дружки убиенного жениха стали мстить, поначалу угнали все лодки до единой, да порубали сети. Потом угнали лошадей, да спалили сено в стогах.

- *Эх, нетути нашего бойца, он бы не допустил такого разора, - сокрушались мотинцы, - надо его разыскать.*

Вверх по течению жили ссыльные, к ним и отправились гонцы. Да, нашли, там и обретался их вожак, стали звать домой:

- *Вы што? С печки свалились? Меня же заарестуют. Тута я редко бываю, проживаю в урочище, на пасеке.*

Уехали гонцы ни с чем. А тут новое горе: ребята от раскольников подожгли дома мотинцев, что стояли с краю.

- Да - а - а, - горевали старики, - война, што ли, зачалась? Из-за какой-то девки... Фу, срамота! И зачем Мотька убил мозгляка, зачем? Дурак он оказался!

- Он нечаянно, - заступались некоторые, чьи избы не спалили жениховы друзья. – Раскольник сам виноват, мог бы и сдержаться, еще христианином зовётся!

К осени запылали остальные избы, и охрана не помогла:

- Вот нечестивцы! А еще в Бога верят! Искали бы Мотьку, что кашу заварил, мы тут причём?

И разбежался народец кто куда, всё-равно жизни нет. Деревня переселенцев сгорела, остался один столб, на нем кто-то добавил слово «нету», и получилось: «Мотино нету!».

А Мотя, то есть Матфей, бежал с группой ссыльных, и затерялся где-то, на просторах матушки России. А где, о том никто не ведает.

АЛЬМА-МАТЕР

Мы все учились понемногу, когда-нибудь, и как-нибудь. Знаний кот наплакал, а вот впечатлений! Предательская память хранит эти впечатления, хотя прошли многие годы.

Декана уважали за справедливость, он не гнушался студентами, и приглашал, при необходимости, домой. За глаза его звали «*papa Вася*». Его трёхлетний сын вертелся рядом, поедая бублики с гостями, и непрестанно вопрошал: «А почему, *papa Вася*?» Отсюда и пошло. Другой добряк легко отпускал с последней пары, прочитав в наших глазах нестерпимое желание свалить. Но ещё большее желание читалось в его собственных глазах за толстенными стеклами очков - он писал диссертацию, и время своё ценил.

Историю древнего мира мы запомнили в двух словах: «*Аишур и Аккад*». После этих загадочных имён преподаватель, вздохнув, говорил:

- А теперь вы свободны. – Далее с Ассирией мы разбирались дома самостоятельно, по учебникам. Исключительный профи, не признающий учебников, знал наизусть свой предмет, как знал в лицо и по фамилиям всех своих студентов. Блистательный Жидков, светлая ему память!

Любовались молодой и красивой кураторшей, одетой «с иголки». Не чванливой, вполне лояльной. Она знала наизусть «*Евгения Онегина*», и часто вставляла в разговор цитаты:

- «*Мы почитаем всех нулями, а единицами – себя!*» - говорила студенту, вздумавшему спорить с ней безосновательно.

Особую симпатию, на удивление, вызывал физрук Сан Саныч. Деньги ребятам давал в долг, тайком с ними же и покуривал. К девочкам относился с пониманием, часто отпускал с занятий, не выпытывая, почему им требуется уйти.

- *Иди – иди*, - говорил, - у женщин полно дел, более важных, чем прыжки через козла. - Погиб случайно, страшно все сожалели и горевали.

Некоторые преподаватели вызывали скепсис. Например, проректорша, читая свой курс с листа, щелкала своими металлическими зубами, этот звук раздражал и отвлекал.

Лекции по педагогике читала некрасивая, худая, пожилая дама, всегда в одном и том же застиранном бордовом платье мешком. Засаленные, редкие волосики и выдающийся нос! А главное - сплошная теория, пирамиды терминов, и ни одного практического примера. Не любили её, старались сбежать под разными предлогами.

«Основы права» читал пожилой, седой казах, параллельно осваивая русский язык, лекции предварял словами:

- *Не мешайте мне читать, пожалуйста, а сами делайте, что хотите.*

Ребята играли в карты, а девушки красили губы, ногти, то есть занимались косметикой. Отличники готовились к семинарам.

Препода по архитектуре называли её же словами: «*Къёккинмедингом*». Она заявляла с апломбом: «*Кто правильно произнесёт это слово, поставлю зачёт автоматом!*». Никто не мог повторить, и даже не знал смысла этой абракадабры.

Более всех не любили одну «старую деву», которая читала нам непопулярную дисциплину, полезность которой оспаривалась учёными. Но зачёты девой принимались строго, потому многие со второго курса тянули «*хвосты*». Обзывали эту женщину за глаза и лестили в лицо. Но она была, как бетонная стена, - ничем не прошибёшь! А подаренные ей коробки конфет швыряла в голову дарителям.

Был еще один чудак – очень красивый, импозантный мужчина среднего возраста. Не женатый, всегда одет изысканно: весной – в светлом костюме, зимой – в темно-синем. Отглаженный и надушенный, он жил с матерью. Поначалу девчонки-первокурсницы не сводили с него глаз, и думалось им, что влюбились. А тот любил частушки, а не барышень. Кто добывал интересные - ставил зачёты без проблем. Выяснилось, что писал по ним диссертацию. Удивляло другое обстоятельство: на лекциях он странно ёжился, дёргал плечами, мучительно гримасничал. Что это такое? Старшекурсники просветили: у красавца – экзема! Видно, потому и мучается, потому и не женится.

Одна приезжая преподавательница вела спецкурс по истории живописи. Она действительно знала своё дело. Её слушали, открыв рот. Никто никогда не сбегал, не отлынивал, и времени, отпущенного на лекцию, казалось мало. Хорошо иметь дело с эрудитами, знающими людьми, приятно и полезно!

А в остальном мы и сами по себе были интересны. Пропадали в библиотеке, соревновались в том, кто и что больше знает. Пустые пары превращали в розыгрыши, миниспектакли, викторины. Экспромтом читали стихи, сочиняли шутки, юморили. Да, было дело! Не случайно из нашей когорты вышли талантливые специалисты – профессионалы, директора, начальники, чиновники и просто хорошие люди.

И ЖИТЬ ТОРОПИТСЯ, И ЧУВСТВОВАТЬ СПЕШИТ

У Зоси было странное имя; её так назвала мама, - причуда, своего рода: так звали героиню из советского сериала «Кабачок 13 стульев». Поэтому получилась Зоя Эрастовна Пичугина. И никак иначе!

Единственная дочь сургутских нефтяников, вполне обычных, получилась не только редкой красавицей, но еще и умницей. Однако, как говорится, «не родись красивой, а родись счастливой!» Со счастьем как – то не сложилось. Училась в Томске на экономиста. Небедные родители купили дочери квартиру и автомобиль. Зоя осваивала предметы на «отлично», ни в чём не нуждалась. Молодые парни заглядывались на красавицу, но избегали: красоты и изящества было слишком много, а недоступности - ещё больше. Преддипломную практику девушка проходила в крупной Торгово – Промышленной Палате, которой руководил амбициозный грузин, рыжий, коренастый и наглый. Он сразу положил глаз на практикантку, и прохода ей не давал. Георгий был не первой, и даже не второй молодости, имел семью, но вёл разгульную жизнь: женщины, рестораны, выпивка. Не брезговал и уличными кокотками. Молоденькая студентка буквально свела его с ума. Георгий узнал её адрес и нагло заявлялся, как к себе домой. Зоя пыталась не открывать на первых порах, на что кавалер грозно заявлял: «*не пустишь – снесу дверь с петель!*»

Завязался насильственный роман. Но практика закончилась, Зоя защитилась и получила диплом.

- *Георгий, отпусти меня с миром!* – просила девушка, - *у тебя семья, дети, не мешай мне строить жизнь. Уеду в Сургут.*

- *Никуда не уедешь, ты – моя! Нэ отпущу!* – и нос агрессора синел от гнева, становясь всё больше, и больше, как туча грозовая. А волосатый палец с золотой печаткой мотался перед лицом невольницы, предвещая неприятности.

- *Знай, я всё равно уеду. Ты мне надоел, не могу видеть.*

- *Ты ещё заплатишься за свои слова, русская! Стоит мне моргнуть, и моя охрана сделает из тебя котлету!*

Вскоре, одной ночью, Зосино окно на первом этаже осветили фары. Она в тревоге проснулась: из машины выходили трое рослых мужчины, качки. Догадалась, что они пришли по её душу. Как только скрылись в подъезде, она торопливо оделась, схватила сумочку, деньги, и вылезла в форточку. Остановила такси, и на вокзал, там запрыгнула в первый отходящий товарняк до следующей станции, где пересела уже на пассажирский поезд. Уснула, как провалилась в пропасть, а сошла во Владимире. Ах, какой славный Чудо-град! Сняла комнату, пошла на рынок продавцом, а кем ещё? - диплом и телефон остались в серванте томской квартиры.

Тем временем родители не могли дозвониться до своей кровинки, и немедленно выехали. Дверь Зосиной квартиры была открыта настежь, разворована, машина угнана. Им оставалось только написать заявление в полицию и надеяться на лучшее.

- *Господи!* – сказал отец, подняв лицо к небесам, - *Ты видишь ЭТО? Помоги, Всемилостивейший!*

Через какое-то время Зося почувствовала тошноту и недомогание, пошла к врачу.

- *Вы беременны!* – сказала та заученно и равнодушно, заполняя медкарту.

- *Сделайте мне аборт...*

- *Нужны анализы: кровь, моча...*

Снова кабинет врача. Та пристально и нехорошо посмотрела в глаза молодой женщины, а потом протянула бумажку, с четырьмя черными буквами. Зося побелела, но через минуту мелко порвала её, и молча вышла. Долго плакала в подушку, вздыхая: *«Негодяй Георгий наградил, и поставил крест на моей жизни».*

Стала ходить в церковь, рыдать у икон. Сердобольная служка заметила это и посоветовала:

- *Как звать тебя, сестра?*

- *Раба Божия София.*

- *Вижу, что печалишься, сестра, проблема у тебя, так поезжай к старцу, адрес дам тебе. Он утешит, поможет. Не скорби! Не унывай! Грех это.*

- *Не поможет никто мне, - глухо зарыдала Зося, - не поможет! Это невозможно!*

- *Что невозможно человеку, возможно Богу! Поезжай!* – и служка ушла.

Зося отправилась на поиски и нашла старичка в заброшенной лесной деревне, малюсенькой избушке, приспособленной под церквушку. Она исповедовалась, стало легче, болезнь пока не чувствовалась. Хотелось верить, что диагноз не сбудется, всё пройдет само собой, забудется. Бывают же чудеса?

- *Ты раба Божья, деточка, зря не кручинься, молись, терпи, смирайся, - утешал старец, - Бог даст, родишь здорового ребёночка, замуж выйдешь за препростого паренька. Постарайся полюбить его, и счастье будет. Непременно будет.*

Как-то между старух в церкви появился молоденький парень в солдатской форме, худой, неприметный, синеглазый. Их глаза встретились, и парень отвернулся, его как обожгло красотой прихожанки. А Зося подумала: *«Неужели это он? Такой обыкновенный».*

На каждой службе незнакомец восхищенно не сводил глаз с лица Зоси, она тоже присматривалась. Познакомились, а потом и обвенчались. Зося скрыла от жениха всё; и связь с грузином, скопищем пороков и грехов, и свою болезнь, и ребенок якобы был самого Ивана, и якобы родился недоношенным. Сын постоянно плакал, правда, и Зося вызвала к себе мать. Старшая Пичугина, вновь обретшая

доченьку, и ставшая бабкой, радостно примчалась с кучей добра, развела бурную деятельность, и заодно вызвала педиатра младенцу. Тот под надзором быстро выправился.

А когда ребенок подрос, - его отец назвал Сергеем, - и обзавёлся черной макушкой и немаленьким носиком, Зося забеспокоилась.

- *В деда пошёл, фронтовика!* – простодушно радовался Иван, - *какого красавца ты мне родила, Зосенька!*

Зося не выдержала мук совести, и опять направилась к старцу. Она хотела спросить его: *по – христиански ли это – обманывать мужа? Как спокойно смотреть на то, что он воспитывает чужого ребенка? Не осудит ли Господь?*

В крохотной избушке было тихо и печально. Ни души. Мерцала кем-то поставленная у иконы Спасителя лампадка... Недалеко от жилища Зося обнаружила крест и свежую могилку. Она поняла всё. Вернулась в старческую лачугу, и долго сидела на скамеечке, понурясь. Потом обнаружила записку, причем на самом видном месте: как раньше не углядела её? На ней аккуратным почерком было написано: *«У Бога нет чужих детей, раба божия София. Живите в мире и согласии. Про болезнь свою забудь: я отмолил тебя. И оставайся с Богом, дочь, тогда и он никогда не покинет тебя».*

© eva-and-co.ru

Творческая лаборатория «Слово и Образ»